

Уильям Шекспир

СОНЕТЫ

Перевод С. Кадетова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не подвергая сомнению поэтические достоинства имеющихся переводов (мне известны восемь полных переводов, лучшим из которых остается общепризнанный перевод С. Я. Маршака), считаю возможным привести ряд доводов в пользу точки зрения, согласно которой задачу создания перевода, передающего дух и букву шекспировской поэзии нельзя считать окончательно решенной.

Первое и, пожалуй, главное: все переводы, не исключая маршаковского, чрезмерно «русифицированы». При их чтении невольно создается впечатление, что их автор – первоклассный (не великий!) поэт пушкинской школы. Переводы Маршака прелестны, но применим ли этот эпитет к шекспировской поэзии?

Эта «пушкинизация» Шекспира приводит к привнесению в поэзию позднего Возрождения элементов сентиментализма 18-го века и романтизма века 19-го, что позволяет говорить о своеобразной транскрипции шекспировской поэтики, о ее невольном переводе в чуждую тональность.

Параллельно с этим, из наилучших побуждений, делаются небезуспешные попытки «облагородить» Шекспира, добавив сонетам якобы недостающей им галантности и куртуазности. Но шекспировская поэтика впитала не только Петрарку, но и Боккаччо с его фривольностями (сонеты 135 и 136, например); нравится нам это, или нет – к делу не относится.

В большинстве переводов игнорируется ирония, играющая в шекспировской поэтике немаловажную роль. Если не принять во внимание ироническую гиперболизацию чувства смирения и признания собственной никчемности, в сонетах начинает звучать мелодраматическая нота, а их автор предстает сентиментальным страдальцем. Чтение оригинала такого ощущения отнюдь не оставляет.

Наконец, с чисто технической точки зрения насыщенную образную систему ряда сонетов возможно воспроизвести только посредством использования длинной строки. Попытки вместить содержание 10-12 шекспировских слов в 6-7 слов перевода делают неизбежным использование идиом и поэтических клише, что возвращает нас к первому пункту – «русификации» шекспировской поэтики.

Разумеется, я не тешу себя наивной надеждой на то, что перевод, представленный вашему вниманию свободен от отмеченных недостатков. Хочется, тем не менее, верить в то, что шаг в верном направлении, пусть маленький и неуверенный, все же мною сделан.

Перевод осуществлен с издания: The Oxford Shakespeare Complete Sonnets and Poems. Oxford: Oxford University Press, 2002.

© Translation by Sergej Kadetoff, 2008

© Editing and computer layout by B. Gaydin, Database “Russian Shakespeare”, 2008

СОНЕТ 1

Мы ждем цветенья сохраненной красоты,
Все совершенное желаем видеть вечным:
Чтобы прекрасные наследников черты
Память отцов хранили в мире скоротечном.
Но ты напрасно прожигаешь красоту:
Не оторвать тебя от зеркала никак.
Ты превращаешь изобилие в нужду,
Ты красоты своей небесной злейший враг!
И ты, прекраснейшее украшенья мира,
Прелестный праздника весны глашатай,
Своей красы – бездонная могила!
Простак, что спутал сбережение с растратой...
Мир пожалей: не растрянжишь и не предай земле
То, что на время дал наш мир тебе!

СОНЕТ 2

Когда прожитых сорок зим лицо твое возьмут в осаду,
И красоты твоей поля покроют шрамами траншей,
То твоей юности наряд, что все сегодня видеть рады,
Станет поношенным тряпьем, ценою в несколько грошей.
И если спросят вдруг тебя, куда свой клад от всех ты спрятал,
Когда успел ты промотать богатство тех счастливых дней,
Опустишь долу ты глаза, стыдом безжалостным объятый,
Пошутишь горько: «Клад мой, знать, упал в провал моих очей...»
А мог бы в тратах дать отчет, вполне достойно, без смущенья –
Когда б с улыбкою сказал: «Знакомьтесь, это – мой сынок;
Мое богатство в нем живет, и в нем мое обеспечение:
Я красоту не растерял, в него успел вложить все в срок.»
И это было б возрожденьем угасающего тела,
И кровь остывшая – в нем вновь бы закипела.

СОНЕТ 3

Скажи тому лицу, что в зеркале ты видишь,
Что срок пришел ему снять копию с себя:
Ты мир обманешь и напрасно матерей обидишь,
Коль, время обновиться упустив, завянешь зря.
Какая из достойнейших владелиц целины
Не жаждет, чтоб ее ты землю обработал?
Иль стать любви к себе надгробьем хочешь ты,
Презрев об урожае их достойную заботу?
Ты – то окно, в котором твоя мать
Видит весны своей отрадную картину.
Так, глядя на детей, ты в старости опять
Увидишь юность, сквозь морщинок паутину.
Коль не оставишь память в юном поколеньи,
Загубишь красоту, и сам умрешь в забвеньи.

СОНЕТ 4

Зачем лишь на себя, очаровательный мой мот,
Ты тратишь красоты бесценное наследство?
Природа нам не в собственность, в аренду дар дает,
И вольна требовать отчет за эти средства.
Так почему ж ты, милый мой скупец,
Свой щедрый дар непустишь в оборот?
Про договор ты вспомни, наконец:
Пусть капитал проценты принесет!
Пойми, что сделки лишь с самим собой –
Растрата средств, пустой самообман.
Когда придет Природа за тобой,
Какой отчет дашь, милый, по счетам?
Вместе с тобой – напрасный дар заруют:
Природа счет убытков красоты откроет...

СОНЕТ 5

Те же часы, что столь искусно создавали
Прекрасный образ, радующий всякий глаз,
Жестокими тиранами внезапно стали,
И разрушителем стал созидатель враз:
Без передышки тянет лето в зиму Время,
Чтоб летних дней там уничтожить красоту,
Сорвать листву и заморозить стужей семя,
И только снег прикроет мира наготу.
Коль не оставит лето память о себе –
Живительный экстракт в стеклянном заточеньи –
То в мире не останется прекрасного нигде,
И поглотит воспоминанья белое забвенье.
Но если жив экстракт цветов, тогда жестокая зима
Способна только образ погубить, субстанция цветов жива.

СОНЕТ 6

Не позволяй безжалостной руке зимы морозами убить
Твое цветение, пока живительный экстракт не извлечешь:
Наполни соком жизнь рождающий сосуд, чтоб сохранить
Богатство красоты, что ты несешь в себе, пока живешь:
Ты не нарушишь правила предоставленья ссуд,
Превысив тот процент, что разрешен сейчас;
Коль красоту твою десять потомков обретут,
То может возрасти процент твой в сотню раз:
Ведь каждый из десятка отпрысков твоих
Способен тоже в десяти потомках воплотиться.
Что может Смерть, коль породил ты их,
И жизнь твоя в твоих потомках длится?
Поторопись, не для того ты клад свой получил,
Чтоб после смерти он червей кладбищенских кормил.

СОНЕТ 7

Когда восток своим сияньем освещая,
Встает над миром лучезарное чело,
Все смертные, ему честь воздавая,
Не сводят глаз с величества его;
И подданных глаза следят с почтеньем
За тем, как их сиятельный монарх,
И в зрелости увенчанный цветеньем,
Вершину покорил на синих небесах;
Но стоит только огненной монаршьей колеснице
Начать свой спуск, подобный нашему старенью,
Как тут же в сторону повернуты вассалов лица,
И взгляд рабов теряет бывшее почтение:
 Так ты, начав после полудня нисхождение,
 Без сына обречен на скорое забвенье.

СОНЕТ 8

Зачем ты ищешь в музыке одни печали?
Она ведь радость, и должна нам радости нести.
Так отчего ж глаза твои так грустны стали,
Может ты хочешь счастье в грусти обрести?
Если семейная гармония безукоризненно созвучных нот
Коснется слуха твоего, он распознает
Упрек струне, что в одиночестве печали звуки издает
И гармоничные аккорды отвергает.
Услышь, как струны, что любовь собой объединила,
Рожают стройные, прекрасные созвучья,
И низкий тон отца, высокий матери, дискант ребенка милый,
Сливаясь в общий звук, гармонии нас учат.
В аккордах этих, что родил союз свободный,
Звучат слова: «Любое одиночество бесплодно!»

СОНЕТ 9

Быть может ты, слез вдовьих не желая,
Себя растрчиваешь в жизни холостой?
Но если ты уйдешь, детей не оставляя,
Весь мир заплачет безутешною вдовой.
Весь мир зайдется вдовьими слезами,
Скорбя о красоте, что канула в пучине,
А для вдовы твой образ был бы осязаем,
Коль он успел бы воплотиться в сыне.
Пойми, беднее мир не сделает транжир:
Монеты остаются в мире, кошелек меняя,
Ты ж, тратой красоты, невольно грабишь мир:
Что бестолково тратишь ты, то мир теряет.
Нет ни к кому любви в твоей душе,
Если настолько ты безжалостен к себе.

СОНЕТ 10

Поверить трудно в то, что ты любить способен:
Ведь ты относишься к себе столь безрассудно.
Признай, коль можешь, что ты дорог многим,
А то, что ты не любишь, доказать не трудно:
Любить не может тот, кто одержим враждой
К себе; кто не стыдится своих черт порочных;
Кто ищет способ, как дворец разрушить свой,
Вместо того, чтоб озаботиться ремонтом срочным.
Чтоб изменил я мнение, должен измениться ты:
Неужто стена ненависти лучше, чем любовный кров?
Пусть красоту душе твоей дадут лица черты;
Всем докажи, что стать добрей к себе готов:
 Прекрасный образ свой не забуди;
 Ты им потомков щедро награди.

СОНЕТ 11

Стареем быстро мы, но столь же быстро и растем –
В той части нашей плоти, что от нас отделена;
И наша молодая кровь, что мы однажды отдаем,
Считаться может нашей, когда молодость прошла.
В том нашей жизни мудрость, красота и сила:
Иначе, старость победит, упадка холод воцарится;
Трижды по двадцать лет тогда б вполне хватило,
До того дня, когда жизнь всюду прекратится.
Пусть те, кого Природа, создавая, обделила –
Убогие, корявые и глупые – умрут бездетно;
Но ты из тех, кого она благословила,
И щедрый дар ее ты должен тратить щедро.
Ты создан, как печать Природы, и она хотела,
Чтоб сделать много оттисков печать сумела.

СОНЕТ 12

Когда внимаю времени, курантов бой считая;
Смотрю как тонет светлый день в ночной пучине;
Держу в руке фиалку, что поникла, увядая;
И вижу серебра набег на локон соболиный;
Когда земля под деревом усеяна листвы плодами:
Уж не укроются под кронами стада;
Когда погибшую траву везут засохшими стопами:
Седая тянется за катафалком борода;
Тогда судьба твоей красы меня тревожит:
Не избежать ей увядания и тлена;
Но красота, уйдя, остаться в мире может:
Родив красу, что ей придет на смену.
Скосить способно Время все на свете;
Ему наш дерзкий вызов – наши дети!

СОНЕТ 13

Пребудь самим собой, моя любовь,
Принадлежать себе – по силам лишь живому;
И зная о конце, уход свой подготовь,
И щедро подари свою красу – другому.
Поскольку образ тот, что ты арендовал,
Ты вправе передать то нет причины
Противиться, чтоб он – владельца поменял,
И сохранил себя – после твоей кончины,
Зачем же разрушать надежный кров,
Поместье, что защиту дать готово
От злобы зимних штормовых ветров
И Смерти вождельенья ледяного?
Верни свои долги перед концом:
Ты знал отца, так стань же сам отцом!

СОНЕТ 14

Не в небе звездном я ищу ответы,
Пусть астрономию немного знаю,
Но недостаточно, чтоб видеть счастье, беды,
Смерть, мор чумной, года неурожая;
Не в силах рассчитать я судьбы до мгновений,
Отметив в каждой грозы, ветры и дожди;
Успех неясен принцев дерзновений,
И предсказаний от меня не жди...
Но в звездах глаз твоих легко прочту –
Они надежней, чем Полярная звезда –
Что силу истины и лика красоты
Объединят твои потомки навсегда.
 В противном случае, могу предположить,
 Красе и истине – тебя не пережить.

СОНЕТ 15

Когда я вижу, что нам дан удел растений:
Способны мы цвести лишь краткий миг;
Что жизнь всего лишь шоу на огромной сцене
Под управленьем звезд, что разум не постиг;
Когда смотрю я на людей, что как цветы,
Которые сорвет их прежде посадившая рука:
Их участь – воссиять на миг нарядом красоты,
Чтобы, завяв, беспмятно исчезнуть навсегда;
То понимаю неизбежность с красотой прощанья,
И то, как должен я твое цветение ценить,
Пока растратчик Время спорит с Увяданьем
За право день твой – в ночи утопить.
Я с Временем вступил в смертельный бой:
Хочу, чтоб в строках был ты вечно молодой.

СОНЕТ 16

Зачем не хочешь укрепить себя надежно,
На тиранию Времени кровавую идя войной?
Вооружить себя против упадка можно
Иными средствами, сильнее, чем стих мой.
Ты на вершине лучших лет стоишь сейчас,
И сколько дев мечтает, чтоб их цветники
Цветами, что посадишь ты, пленяли глаз;
Верней, чем твой портрет их лепестки:
Так жизни кисть портрет напишет твой опять;
Ни Времени резец, ни неумелое мое перо,
Твой лик и душу не способны передать,
И только жизнью будет все сохранено.
 Чтобы остаться, часть себя надо отдать,
 Ты сам портрет свой можешь написать.

СОНЕТ 17

Поверит ли кто мне, прочтя чрез много лет
Мои стихи, что до краев наполнены тобою?
Хоть видит небо, мои строки только склеп:
Тебя всего вместив, он половину скроет под землю.
Коль мог бы я словами описать твои глаза,
И перечислить прелести твои, не повторяясь,
Сказали бы потомки: «Видно, лгут его слова:
Таким на небе жить, земли стопою не касаясь».
И эти, пожелтевшие от времени, убогие листы,
Отбросят в сторону: ведь старика словам нет веры;
И у потомков не получишь должного признанья ты:
Восторг мой объяснят стиха торжественным размером.
 Но если б в тот момент твой сын жил на земле,
 То, глядя на него, поверили б все мне.

СОНЕТ 18

Уместно ли сравнить мне с летним днем тебя?
Ты не в пример милей и гармоничней:
Побеги нежные бросают в дрожь холодные ветра –
Аренда летняя непродолжительна обычно;
Порою слишком жарок неба взгляд;
Назавтра он закрыт туманом плотным;
Природа красоту спешит забрать назад:
Орнамент летний стал ей неуютным;
Но нескончаем твой июльский день,
И вечно жить в нем летней красоте;
Его минует даже Смерти тень:
Он частью времени живет в моей строке.
 Так эти строки летний день твой сохранят,
 Пока последний не потухнет в мире взгляд.

СОНЕТ 19

Прожорливое Время, львиный коготь затупи;
Позволь земле сожрать своих детей;
Из пасти тигра вырви острые клыки;
И пепел феникса сгоревшего развей;
Коль хочешь, лето с осенью смешай:
Для быстроты твоей преграды нет;
Все смертное долой из жизни забирай;
Есть для бесчинств твоих один запрет:
Любимый лоб своим резцом не тронь,
И лет пером узор красы не зачеркни:
Своим путем идти любви моей позволь,
Чтоб красоту познать преемники смогли.
 Но если мой призыв не убедит тебя,
 То сохранит мою любовь эта строка.

СОНЕТ 20

Ты моей страсти господин и госпожа:
Ведь женский лик тебе дала Природа;
Твоя душа, как женская нежна,
Но только без капризов женской моды;
И ярче женского сияющий твой глаз,
Но ты достоинства кокетством не роняешь;
Ты одаряешь золотом всех нас,
И взор мужской, и души женские пленяешь.
Природа, видно, увлеклась своим твореньем,
Прекрасной женщины лишив меня и свет:
Свое создание наградила неким добавленьем,
Так нужным ей; а мне нужды в нем нет.
Коль получил ты от Природы нужное для женщин услажденья,
Оставь мне душу: дар используй свой по назначенью.

СОНЕТ 21

Я в жизни не был с Музой той знаком,
Что восхищается в стихах красой фальшивой,
С самих небес беря сравнения при том,
И украшая щедро ими стих свой льстивый,
Предмет любви пытаюсь этим уравнивать
С луной и солнцем, с жемчугами, что в воде;
С цветком апрельским – тем пытаюсь удержать
Эфир небесный в стихотворном пузыре.
Позвольте верным быть не только мне в любви,
Но и в стихах: любовь моя прекрасна, верьте мне,
Как женщиной рожденное дитя, которому, увы,
Так далеко до золотых свечей в безмолвной вышине.
Продать дороже свой товар иным нейдет;
А я не лшу: мой стих не продается.

СОНЕТ 22

Я повернулся к зеркалам спиной:
Раз молод ты, тогда не стар и я!
Когда года изменят облик твой,
Мне мой конец покажут зеркала...
Лик твой прекрасный силы придает,
Дух оживляет влага красоты.
Коль сердце юное во мне живет.
Разве могу я старше быть, чем ты?
Мои тревоги – только о тебе.
Храни себя, как в сердце я храню
Твое сердечко... Я – заслон беде:
Как нянька нежная, его я берегу.
Я твое сердце сберегу в моем,
Наступит день, и вместе мы уйдем.

СОНЕТ 23

Как на подмостки вышедший неопытный актер
Роль забывает от внезапно налетевшего волнения;
Как тот, чья страсть чрезмерная, как вор,
Крадет у сердца слова страсти выраженья;
Так я, от страха быть непонятым, забыл
Все ритуальные любви слова;
Не проявившись, угасает мой любовный пыл:
Груз моей страсти слишком тяжек для меня.
Позволь же книге красноречием блистать,
И пусть она, как мой посланник молчаливый,
Расскажет о любви и ей попросит долг воздать,
Без робости, сковавшей мой язык пугливый.
 Не отвергай любви моей немой посланья:
 Любовь способна слышать взглядом строк молчанье.

СОНЕТ 24

Я превращу в художника свой глаз,
И он тобой украсит сердца холст;
Картину телом обрамлю тотчас,
И перспектива перекинет мост:
Он свяжет взгляд мой любящий с тобой;
Я буду знать, как ты живешь, всегда,
Пусть холст висит в душе, как в мастерской,
Чьи окна смотрят, как твои глаза;
Мои глаза спешат поймать твой взгляд,
Запечатлев, не расставаться с ним;
Потоки солнца сквозь меня летят,
Чтоб насладиться образом твоим.
Одно печально: взглядом не могу
Проникнуть в сердца друга глубину.

СОНЕТ 25

Пусть те, к кому их звезды благосклонны,
Суть счастья видят в славе и наградах;
А я, судьбой подобными дарами обделенный,
К ним не стремлюсь: любовь моя отрада.
Любимцы принцев пышно распускают лепестки,
Словно подсолнухи под благосклонным взглядом;
Без покровительства теряют прелести они:
Только ему они обязаны своим нарядом.
Великий воин, что однажды побежден
После бесчисленных блистательных побед,
На поруганье и забвенье обречен,
И до заслуг его былых нам дела нет:
 Как счастлив я любить и быть любимым,
 Владея от меня никем не отделимым.

СОНЕТ 26

Владыка чувств моих, твой преданный вассал,
Чья верность твоей доблести подстать,
К тебе посольство строк своих послал,
Чтобы почтенье, а не ум свой, доказать;
Мой долг велик, а мысли столь ничтожны,
И беден так наряд моих нескладных слов;
Но верю я, что ты сочтешь возможным
Принарядить моей души послов;
А, может, звезды, что не жаловали прежде,
Решат, вдруг, сжалиться сегодня надо мною:
Любовь украсят драгоценною одеждой,
И ты поймешь, что я вниманья стою.
Тогда решусь произнести любви слова;
Пока ж – в почтении склонилась голова.

СОНЕТ 27

Измученный за день, спешу в свою кровать –
Дать вожделенный отдых моим членам изможденным,
Но мысли в бесконечный путь пускаются опять,
И вместо сна всю ночь трудиться обречен я;
Как истовый паломник, не смыкая глаз,
Кромешной окруженный темнотой,
Я по земле, что разделяет нас,
Иду, не больше видя, чем слепой;
Только твой образ, что душой рожден,
Усталый взор способен различить:
Как драгоценность, Ночь украсил он,
Сумев лик мрачной Ночи изменить.
Днем тело трудится, а ночью мысли начинают путь:
Тому, кто любит, не удастся отдохнуть.

СОНЕТ 28

Как может тот счастливым быть,
Кто отдыха уже давно совсем не знает?
Нет сна, что дня усталость мог бы утолить,
И ночь, сменяя день, дневной гнет продолжает.
Как будто, сговорились старые враги
Меня пытать совместно бесконечной мукой:
День мучает трудами, а затем, в тиши,
Ночь мучает меня с тобой разлукой.
Я, День разжалобить пытаюсь, говорю,
Что ты мог стать бы солнцем в непогоду;
И, Ночи темнолицей льстя, твержу,
Что ты придал бы блеск ночному небосводу.
 Но день не хочет прекратить мои дневные муки,
 А ночь сжимает все сильнее тиски нашей разлуки.

СОНЕТ 29

Когда, отвергнутый Судьбою и людьми,
Я горько в полном одиночестве рыдаю,
Но небеса к моим стенаниям глухи,
Себя и жребий мой я проклиная,
И представляю, я другой, полный надежд,
Избалован Судьбой и щедро удостоен дружбы,
Богат, талантлив, привлекателен и свеж,
Но нет того, что только в жизни мне и нужно,
Тотчас стыжусь я малодушья моего,
И вспоминаю, что мне ты Судьбою дан;
Моя душа, рассвет встречая, высоко
Взмывает жаворонком к ясным небесам.
 Как только вспомню о твоей любви,
 Так тут же нищими предстанут короли.

СОНЕТ 30

Когда дела моих давно минувших дней
Я выношу на разума безмолвный суд,
Мне чередой потерь моих становится видней,
И беды старые страданья новые несут;
И увлажняет взор внезапная слеза
О тех друзьях моих, что поглотила ночь,
И о любви былой, ушедшей без следа,
Ее вернуть никто не в силах мне помочь;
Вновь я во власти скорби прошлых лет,
Утраты вновь мне надо пережить;
Печальный счет оплаченных слезами бед
Мне предстоит повторно оплатить.
 Но стоит мне тебя, любовь моя, представить,
 Как понимаю: в жизни можно многое исправить.

СОНЕТ 31

Все те сердца, что я умершими считал;
Любовь, в одеждах обольстительно – прелестных;
Друзья, чьи свежие могилы посещал:
Все для меня – в душе твоей воскресло.
Кто знает, сколько пролил горьких слез –
Той платы, что Смерть требует с живых?
И вот – то, что поток времен унес,
В тебе воскресло, и я снова вижу их.
Ты пантеон, украшенный фамильными гербами,
Умерших, что в душе твоей живут;
Они пришли к тебе с моей любви частями,
Чтоб вся любовь теперь хранилась тут.
Любя тебя, и их я всех люблю:
Тебе и им я весь принадлежу.

СОНЕТ 32

Коль ты переживешь тот день, когда отдам
Долг Смерти, что покроет кости прахом тела,
И обратишься, невзначай, к покойника стихам,
К жалким строкам, что милосердно время пожалело,
Надеюсь, ты, дань отдавая мастерству живых,
И понимая, как коряв покойника был слог,
Не за богатство рифм, а за любовь оставишь их,
За то, в чем всех живых покойник превозмог.
Тогда б ты в мыслях должное любви моей воздал,
Подумав: «Оставайся друг живым,
Намного лучше он сегодня бы стихи свои писал,
Не уступая в совершенстве молодым;
Но умер верный друг, поэзия ж вперед идет:
В ней есть изящество; в его строках любовь живет».

СОНЕТ 33

Как часто утро славно начиналось,
Благословляя горы царским взором;
И солнце поцелуем трав касалось,
Ручьи украсив золотым узором;
Но вскоре солнце грязным тучам позволяло
Закрывать свой лик и погасить свой луч,
И мир заброшенный без света оставляло,
Склоняясь к западу под тяжким грузом туч;
Вот так же, мое солнце, утром встав,
И золотым меня украсив облачением,
Скрывается, всего лишь час мне дав,
В тяжелых тучах: мир мой в запустеньи.
 Но обвинять его неправильно бы было:
 Скрывают тучи и небесное светило.

СОНЕТ 34

Зачем ты обещал безоблачный мне день?
Я в путь отправился, оставив дождевик,
Но солнце скрыла туч тяжелых сень,
И день прекрасный под дождем поник.
И что с того, что тучи разогнав,
Капли дождя ты с моего смахнул лица:
Лишь облегченье моей боли дав,
Не залечил ты этим рану до конца;
Не вылечил печаль мою твой стыд:
Платеж твой мал – пока в убытке я.
И мне, несущему сей тяжкий крест обид,
Дань не поможет слишком скромная твоя.
 Но слез любви твоей – бесценны жемчуга:
 Они достойный выкуп за жестокие дела.

СОНЕТ 35

Не стоит так печалиться о том, что сделал ты:
У розы есть шипы, в серебряной воде фонтана муть;
Затмения с облаками свет скрывают солнца и луны,
И мерзкого червя найдешь, коль в почку заглянуть.
У каждого свой грех, и я грешу сейчас,
Метафорой твой грех преуменьшая;
Ради спасения тебя, себя гублю, подчас
К сравненьям неуместным прибегая.
Грехам души твоей ищу я оправданья:
Я пострадал, но я же выступаю адвокатом тут,
И для себя прошу у судей наказанья,
Обида и любовь во мне войну гражданскую ведут:
Хоть и ограбил ты меня, воришка мой,
Но я вину твою готов делить с тобой.

СОНЕТ 36

Мне кажется, нам время разойтись пришло,
Не разрывая плоть нашей любви:
Пятно позора, что на нас легло,
Один я должен, без тебя, нести.
В нашей любви по-прежнему едины мы,
Но в жизни быть нам вместе не судьба:
Она крадет любви невосполнимые часы,
Соединиться не дает нам навсегда.
Знакомство наше должен я скрывать,
Чтоб тень моей вины не пала на тебя,
И ты не вправе подозренья навлекать,
Честь имени высокого храня:
Пусть будет так, моя любовь не ропщет,
И честь твоя пусть будет нашей общей.

СОНЕТ 37

Как полный силы отпрыск молодой
Отрадой служит для отцовых глаз,
Так я, отвергнутый моей судьбой,
Одним тобой способен жить сейчас.
Богатство, знатность, молодых лет торжество
И даже больше, если только так бывает,
Подобно кроне, увенчали дерево твое,
И оно плод моей любви питает.
Уже не дряхл, не жалок, не убог:
Дав мне приют в тени своих ветвей,
Вновь обрести себя ты мне помог,
И осенен я кроной пышною твоей.
 Все пожеланья, сбывшись, возвращаются обратно:
 Коль счастлив ты, я рад десятикратно.

СОНЕТ 38

Моей ли Музе вдохновения искать,
Когда есть стих, твоим дыханием согретый?
Его божественность пытаюсь передать
Обычным словом на бумаге пошлой этой.
Себя благодари, если покажутся тебе
Мои слова достойными прочтенья:
Где, как не в жалкой бессловесной голове,
Ты не способен вызвать восхищенья?
Достоин ты десятой Музой стать,
Десятикратно девять прежних превзойти
В способности поэтов вдохновлять
И им дарить бессмертные стихи.
Коль будет Муза слабая моя грядущему по нраву,
То дело не во мне: заслужишь ты всю славу.

СОНЕТ 39

Коль воплощаешь ты все лучшее во мне,
Как мне воспеть тебя, приличий не наруша?
Я не нуждаюсь в мне же посвященной похвале,
Но как, хваля тебя, мне грех не взять на душу?
Хотя б поэтому, нельзя нам вместе быть,
В единый образ слиться нам нельзя:
Только тогда смогу я посвятить
Тебе стихи, не воспевая тем себя.
Разлука, ты была бы мукою сплошной,
Когда б ты не позволила медлительным часам
Заполниться о встрече согревающей мечтой,
Что время обмануть дает возможность нам.
 Воспой того, кто от тебя далек,
 И снова рядом он – таков урок.

СОНЕТ 40

Возьми, любовь моя, мою любовь скорей,
Но что добавит взятое к твоим владеньям?
Еще одну любовь? То, что достойно называться ей,
И так всецело в твоём было распоряженьи.
Коль полюбил ты искренне, что мной любимо,
Тебя не упрекну: ты отдал долг моей любви;
Но если цель твоя отнять, что мне отрадой было,
Тогда, любовь моя, постыдны помыслы твои.
Мой нежный вор, прощу я твой грабеж,
Хоть это грех – последнее отнять у бедняка;
Нас больно ранит ненависть, но все ж,
Куда больней нас бьет любви рука.
Изящный сластолюбец, весь увешенный грехами,
Убей меня, ведь не должны мы жить врагами.

СОНЕТ 41

Те милые грешки, что невзначай свершаешь ты,
Когда из сердца твоего я отлучусь порой,
Идут годам твоим и безрассудству красоты,
К тому же, всюду следуют соблазны за тобой.
Ты деликатен, значит, будешь завоеван:
Ведь не способна выдержать твоя краса осады.
Какой сын женщины, когда он ею атакован,
Способен гордо отказаться от обещанной награды?
Но ты, при этом, мог бы не задеть меня,
Свои мятежные красу и юность упрекнуть:
Они бунтуют, любви нашей не щадя,
И вынуждают тебя дважды обмануть:
Ее – своей красою походя пленяя;
Себя – без друга верного напрасно оставляя.

СОНЕТ 42

Беда не только в том, что ты ее отнял,
Хоть мне она, признаться, очень дорога,
Но вместе с нею и тебя я потерял:
Ты отнял ею, в этом вся моя беда.
Но я грабителей люблю и им прощаю все, что было:
То, что любимо мной, ты был обязан полюбить;
Она ж, из уважения ко мне, с тобой мне изменила,
Ради меня себя позволив другу соблазнить.
Моя утрата друга – для моей любимой счастье;
Потеря милой – стать находкой главной друга может:
Они нашли, а я – всего лишился в одночасье,
Крест скорбный ими на меня заботливо возложен.
 Но ведь друзья – неразделимы. Это утешает:
 Моя любимая со мной мне же изменяет.

СОНЕТ 43

Чем крепче сплю, тем лучше вижу я:
Дни без тебя мой взгляд не замечает.
В полночном сне я вижу вновь тебя,
Мой взор легко ночную тьму пронзает.
Когда тебя, чей образ озаряет темноту,
Увижу я при ярком свете дня,
Не в моих снах, а снова наяву,
Твое сиянье ослепит меня.
При свете дня увидеть образ твой –
Для взора нет желаннее наград;
Пока же только призрак твой ночной
Пленяет мой во сне бессонный взгляд.
 Дни без тебя, как ночи, кажутся темны,
 А ночью дарят мне с тобой свиданья сны.

СОНЕТ 44

Когда б сумел унылой плоти сбросить бремя,
Став моей мыслью, молнией летать,
Тогда бы я, сквозь расстояние и время,
И все преграды, смог тебя обнять.
И как бы далеко я не был от тебя,
И что бы нас с тобой не разделяло,
Я б мыслью пересек все земли и моря:
В моих мечтах не раз это бывало.
Как больно сознавать, что это лишь мечты,
Что я не мысль, мне не дано летать...
Не сбросить тяжесть глины и воды,
Мне остается только время подгонять:
 Чего мне ждать от глины и воды,
 Кроме как слез, тяжелых, как они.

СОНЕТ 45

Летучий воздух вместе с очищающим огнем
Соединят меня, где б ни был я, с тобой:
Неуловимые в движении стремительном своем,
Первый – как мысль, как страсть моя – второй.
Когда два этих элемента жизни нашей
С посланием моей любви к тебе несутся,
Дух глиною подавлен и водой погашен:
Только они с моею плотью остаются,
Пока назад не прилетят мои послы,
Восстановив соотношение жизненных основ;
Мне твой привет передадут они,
И подтвердят, что жив ты и здоров.
Я рад, но шлю опять послов к тебе,
Оставшись с тяжестью своей наедине.

СОНЕТ 46

Мой глаз и сердце втянуты в смертельную вражду:
Владеть твоим богатством безраздельно хочет каждый.
Мой глаз только своей твою считает красоту,
Но сердце тоже быть владельцем дара жаждет
И утверждает, что твой дар хранится в нем,
В надежном месте, где его глаз не узреет;
А глаз в ответ стоит упрямо на своем:
Тот кто открыл, права владеть всегда имеет!
Решить, какую каждый получить достоин долю,
Было лишь в арбитраже мыслей власти;
Подумав и все взвесив, огласили мысли волю;
И глаз, и сердце – получили дара части:
 Глаз – внешнюю часть дара, красоту;
 Сердце – любовь и дара теплоту.

СОНЕТ 47

Мои глаза и сердце заключили соглашение,
И пожиная ныне благотворные плоды:
Когда от голода страдает мое зренье,
И сердце задыхается от мук любви,
Желанный лик воссоздает влюбленный глаз
И сердцу приглашение шлет на пир теней;
Любви картину пишет сердце в другой раз,
И тотчас глаз зовет полюбоваться ей.
Где б ни был ты, я сердцем или взглядом
Пишу моей любви живой портрет;
И для меня всегда ты будешь рядом:
Ведь для мечты преграды в мире нет.
 Когда ж забудется мечта коротким сном,
 То глаз и сердце бодрствуют вдвоем.

СОНЕТ 48

Собравшись в путь, предусмотрительно укрыл
Я ценности мои в самом надежном месте:
Чтоб вор, коснувшись, их не осквернил
Своей рукой, испачканной бесчестьем.
А ты, в сравненьи с кем, все вещи – хлам,
Моя печаль, желанная отрада взора,
Ты, за кого на свете все отдам,
Можешь добычей стать любого вора.
Тебя не скроешь в месте потайном;
Пусть я тебя храню в моей груди,
Не заперт ты надежным там замком:
Оттуда всегда вправе ты уйти.
Боюсь, перед лицом такой, как ты, добычи,
Любая Честность вмиг забудет о приличьи.

СОНЕТ 49

Готовлюсь к тому дню – не дай Бог, он придет –
Когда ты, бросив на грехи мои суровый взор
И подведя нашей любви печальный счет,
Объявишь ей смертельный приговор.
Готовлюсь к тому дню, когда ты стороной пройдешь,
Едва меня коснувшись взглядом, как чужого:
Ведь, перестав любить, всегда легко найдешь
Ты доводы для отчужденья ледяного.
Готовлюсь к тому дню я в осознании
Моих, тебя порочащих, грехов.
Против себя готов дать показанья,
И обвиненье поддержать готов.
Суд подтвердит все доводы твои:
Нет оправданий у моей любви.

СОНЕТ 50

Как тяжело мне дается этот путь,
Но не дает мне отдыха привал:
Он мне напоминает: «Не забудь,
На сколько миль любимый дальше стал!»
Плетется шагом конь, что подо мной:
Его тоска моя, похоже, тяготит.
Он, будто, понял все понурой головой
И расстоянье увеличить не спешит.
И шпоры, что в бока его вонзаю я,
Ускорить не способны его ход;
От боли только вздрогнет он, хрипя,
Он этим хрипом боли душу рвет.
Впору, мой конь, хрипеть и мне с тобой:
Все в жизни лучшее оставил за спиной.

СОНЕТ 51

Любовь простит коню неспешный ход:
В пути к разлуки расторопность не нужна:
Зачем спешить, когда никто не ждет?
В пути обратном будет скорость мне важна.
Что извинит тогда несчастного коня,
Когда покажется стояньем мне движенье?
Коль ветер понесет к тебе меня,
Я и его пришпорю в нетерпеньи.
Любой скакун, словно ленивый тихоход,
В сравненьи с пламенным желанием моим.
Как конь мой медленно меня несет!
Но мы с любовью все ему простим:
 Пусть не спеша идет несчастное созданье,
 А я помчусь к тебе со скоростью желанья!

СОНЕТ 52

Я как богач, чей ключ одним движеньем
Способен встречу с кладом подарить,
Привычным делать не желаю наслажденье,
Боясь невольной радости встречи притупить.
Недаром наши праздники в году нечасты:
Они собой венчают вереницу тусклых дней.
Так камни крупные своим сияньем ясным
Все ожерелье делают нарядней и ценней.
Пусть тебя время от привычки сбережет,
Как выходной наряд от будней укрывает шкаф;
Только когда день праздничный придет,
Он выйдет к нам, блеск празднику придав.
Благословен ты: тебя видеть – наслажденье;
Не видеть – жаждать встречи в нетерпенье.

СОНЕТ 53

Что за субстанция содержится в тебе?
Миллионы ликов в ней сумели раствориться.
Каждый имеет один образ на Земле,
Но ты любой из них способен воплотиться.
Легко могу прекрасного Адониса представить,
Но он был только копией ухудшенной твоей.
Если Елене красоты вдвойне добавить,
То все же будешь ты гречанки красивей.
Возьмем весну и время урожая:
Твоя краса цветет, как мир весной;
Твоя же зрелость, всех нас удивляя,
Являет образ нивы золотой.
Краса других сплелась в твоём убранстве,
Но несравним ты в сердца постоянстве.

СОНЕТ 54

О, как пошел бы несравненной красоте
Узором верности украшенный наряд:
Ведь цветок розы дорог нам вдвойне
Тем, что он дарит нам свой аромат.
Цветы шиповника имеют тот же цвет,
Что ароматной розы лепестки;
И разницы в шипах меж ними нет;
И так же летом распускаются они.
Но для себя шиповник лишь живет
И отцветает, жизнь прожив напрасно.
А роза дивный аромат нам отдает,
И ее смерть, как жизнь ее, прекрасна.
 Так и с тобой: пройдут года,
 Краса увянет, верность – никогда.

СОНЕТ 55

Мрамор могил и позолоченные статуи царей
Способна пережить моя строка.
И ты навечно воссияешь в ней,
А камень с медью изуродуют века.
Когда низвергнет статуи безжалостно война,
И бунт сумеет мрамор раздробить,
Ни Марса меч, ни пламя никогда
Не смогут память о тебе убить.
Забвенью и смертям наперекор,
Сквозь времена, со Славою вдвоем,
Идти ты будешь – до тех самых пор,
Пока мир Страшным не закончится Судом.
До Страшного Суда, что плоть вернет тебе,
Живи в сердцах, сияй в моей строке.

СОНЕТ 56

Любовь, воскресни с новой силой! И докажи –
Твое не затупилось острие. И лют твой аппетит –
Он с неизменным пылом, едва до трапезы дожив,
Вновь – за свое: к столу стремглав спешит.
Пребудь такой: за ужином наевшись до отвала,
До пресыщенья и осоловевших глаз,
Наутро – все опять начни с начала!
Чтоб страстный дух желанья не погас,
Всегда пылал, а не дымил от скуки,
Нам нужен океан, разъединивший нас,
И дни на берегу, и ожиданья муки,
И вспышка страсти – в единенья час!
Зимой – разлуку назову: на белом фоне этом
Втройне пышней, желанней и дороже лето.

СОНЕТ 57

Мое призвание – твоим желаниям служить;
Как может раб желать иной судьбы?
И временем моим тебе не стоит дорожить:
Ведь ценны только посвященные тебе часы.
Я не осмелюсь упрекнуть то время без конца,
Когда, служа тебе, я на часах стоял;
И горечь отчужденья вмиг растает без следа,
Лишь ты слугу опять к себе позвал.
Я не позволю ревности объять меня,
И не дерзну спросить, куда и с кем ты пропадаешь;
Подобно старому слуге, стою понуро я,
И тем завидую, кому ты свое время уделяешь.
Настолько глупая любовь верна в служеньи,
Что господину своему простит пренебреженье.

СОНЕТ 58

Не дай тот бог, что в плен тебе меня сумел отдать,
Мне даже в тайных мыслях попытаться управлять тобою;
Следить, как ты проводишь время и часы беспечные считать:
Я твой вассал, мне нету доступа в господские покои.
Мне жить одним тобой, любовь моя, позволь,
Подобно узнику, что изнывает от твоей свободы:
Так, молча, перевязок терпят раненые боль,
Врача не укоряя за свои страдания и невзгоды.
Я не посмею ущемлять твои права:
Ведь я в твоём всецело распоряженьи.
И лишь тебе судьбою власть дана
Грехи себе прощать и преступленья.
 Я буду ждать, словно в аду горя,
 Но никогда, ни в чём не упрекну тебя.

СОНЕТ 59

Коль было уже все, и новизны на свете нет,
Как выдержит наш разум злое наважденье:
Любимое дитя, произведя в мучениях на свет,
Понять, что ты родил всего лишь повторенье?
Когда б мой взгляд способен был в единый миг,
Пронзив стрелой пять сотен солнечных кругов,
Увидеть образ твой в одной из древних книг,
Где достояньем стал он в первый раз листов;
Тогда б, прочтя, что предки о тебе поведали мои,
Найдя в твоём лице чудеснейший сюжет,
Я понял бы, они нас лучше, или лучше мы,
Иль в мире есть вращенье, а движенья нет.
 Но я уверен – дней былых умы
 И недостойное хвалили, как и мы.

СОНЕТ 60

Как набегают волны, галькою шурша,
Так и минуты движутся к своей кончине,
Места предшественниц занять спеша,
Чтоб уступить их тем, кто вслед идет за ними;
Новорожденный, щедро излучая свет,
Созрев, увенчан будет за заслуги
Затмением: накинув тень планет,
Время свой дар погасит без натуги.
И Время юности узор перечеркнет,
На лбу красавицы начертит параллели,
Все лучшее с лица Земли сотрет...
Звенит коса: косец всегда при деле.
Надеюсь, посвященные тебе стихи
Сумеют избежать безжалостной руки.

СОНЕТ 61

Ты пожелал, чтоб мне явился образ твой,
И не давал всю ночь мне век сомкнуть?
Желаешь ты нарушить мой ночной покой
И своей тенью взор уставший обмануть?
Не свой ли дух ты мне издалека послал,
Чтобы он здесь присматривал за мною и
Мои постыдные дела и праздность обличал,
Чтоб ревностно хранил владения свои?
Увы, любить так сильно не способен ты:
Не ты, моя любовь уснуть мне не дает.
Словно, без устали, в безмолвье темноты,
Ночную службу стража верная несет.
Пока не спишь ты вдалеке, ты мной храним;
Далек ты от меня, опасно близок ты к другим.

СОНЕТ 62

Постыдная самовлюбленность мною овладела:
Она в душе, во взоре – я ей весь пленен;
Нет силы, что изгнать бы этот грех сумела,
Настолько в сердце он моем укоренен.
Своим изящным ликом я пленяюсь:
Мой образ, словно драгоценная картина.
Я всех чудесней, и над всеми возвышаюсь,
Как над холмами – горная вершина.
Но стоит в зеркале увидеть свой портрет –
Это лицо, потертое и простоватое на вид –
Как тут же и следа постыдной страсти нет,
Любовь к себе – сменяет горький стыд:
Гордясь, я представлял себя – тобой;
Украсил годы я мои твоей весной.

СОНЕТ 63

Готовлюсь к дням, когда любовь со мною нынешним сравнится,
И Время так же изорвет ее наряд своей безжалостной рукой;
Когда оно водой разбавит кровь и беспощадно отразится
Сетью уродливых морщин на коже, ныне молодой;
И юное, сияющее утро путь пройдет до грустного заката;
Всю прелесть красоты, то что дороже всяких денег стоит,
Изгадит Время, иль отнимет нагло без возврата;
В преддверьи дня такого укрепления строю,
Готовлюсь дать отпор жестокому клинку:
Не дать ему мою любовь отсечь
От памяти... Сберечь сумею красоту,
Но жизнь твою мне не дано сберечь.
 В моей строке живет твоя краса:
 Строка черна, но в ней цветет весна.

СОНЕТ 64

Увидел я, как Времени жестокая рука
Бесценные богатства обращает в кучу хлама;
Как пали башни, что на мир смотрели свысока,
Как медь бессмертная рабыней Смерти стала;
Увидел я, как яростно голодный океан
Съедает землю, царств прибрежных не жалея;
И он же твердь к другим приносит берегам:
Одних находка есть всегда других потеря;
Увидел я непостоянство жизненных основ,
Упадок царств, не переживших потрясения.
И будят мысль обломки прожитых веков
О том, что нет любви от Времени спасенья.
Подобно смерти, эта мысль гнетет:
Все, чем владею, Время заберет.

СОНЕТ 65

Коль камень, медь, земля, безбрежный океан
Сумел осилить скорбный смерти мор,
Как защитить себя моей любви цветам,
Бессильным грубой силе дать отпор?
И как же не прерваться нежному дыханью лета,
Что осадила армия ненастных дней,
Когда у скал сопротивляться силы нету,
И врат стальных напор времен сильней?
Объятый страхом, я пытаюсь угадать,
В какой тайник упрячет Время драгоценности свои?
И кто способен красоту у Времени отнять,
Чья сильная рука направит вспять его шаги?
Ничья, одно лишь чудо это сделать в силах:
Любовь бессмертье обретет в моих чернилах.

СОНЕТ 66

Устав ото всего, прошу я вечного покоя:
Довольно видеть гений в нищете,
И серости убранство золотое,
И веру, что распята на кресте,
И честь, постыдно брошенную в угол,
И девственность, что гонят на панель,
И совершенство, что в лохмотьях пугал,
И слабость, силу посадившую на мель,
И власть, заткнувшую искусству рот,
И шутовство, собой подмявшее уменье,
И ложь, что правду глупостью зовет,
И добродетель у порока в услуженьи.
 Устав ото всего, хотел бы в мир уйти иной,
 Но смерть любовь мою оставит сиротой.

СОНЕТ 67

Зачем ему в прогнившем мире жить,
Большую жизнь собою украшая?
Зачем грехам убожество прикрыть
Своею красотой он позволяет?
Зачем румянам и белилам разрешает
Снять копии с себя его щека?
Глупцов искусственная роза восхищает,
И они смотрят на живую свысока.
Зачем он жив, если Природа обнищала,
Лишившись крови и способности творить?
Из всех сокровищ лишь его не потеряла,
И ныне хочет за его счет жить.

Он для нее свидетельство ее могущества былого;
Тех дней, что были до прихода времени дурного.

СОНЕТ 68

Итак, его щека – свидетельство минувших лет,
Когда краса жила и умирала, как цветы:
Тогда еще не родились на белый свет
Фальшивые уловки ложной красоты;
Тогда еще покойницы червонная коса
Покоилась непо потревоженной в земле,
А ныне после смерти красота
Приют находит на чужой ей голове.
Черты ушедших дней в нем продолжают жить:
Все истинно и все красиво непритворно.
Здесь лето не пытаются уловками продлить,
И красоту здесь не используют повторно.
 Как совершенный образец его Природа сохранила:
 Красе фальшивой показать, что раньше было.

СОНЕТ 69

Та часть тебя, что ты явил на мира обозренье,
Не оставляет лучшего желать и сердце услаждает:
Как голос благодарных душ звучат все восхваленья,
Они бесспорны, даже враг бессильно умолкает.
Все внешнее в тебе достойно внешнего признанья;
Но те же языки, что дивный облик воспевают,
Используют иные, не столь лестные названья,
Описывая то, что этот лик от глаз скрывает.
Они хотят найти подобную красу в душе твоей,
Твои поступки взяв мерилom этой красоты,
Но только грубость чувств находит глаз твоих друзей:
Весь аромат цветов забили вонью сорняки...
 Так красота и запах борются в тебе:
 Все оттого, что ты растешь на пустыре.

СОНЕТ 70

Твоей вины нет вовсе в обвиненьях:
Мишень для злобы – красота твоя.
Ее узор всегда под подозреньем:
И небо портят стаи воронья.
Ты хорошей, назло, на черном фоне клеветы;
Враждебность времени тебе достоинства прибавит.
Червь любит завязь, что дала бы лучшие плоды;
Пусть твоя юность красотой весны сияет.
Ты миновал уже лет юных западню:
Непобежденный, дальше ты шагаешь.
А зависть ведь не слышит похвалу:
Ее умолкнуть никогда ты не заставишь.
 Когда б не омрачен твой лик был тенью клеветы,
 Сердец державой овладел бы безраздельно ты.

СОНЕТ 71

Ты прекрати скорбеть по мне скорей –
Как только стихнет погребальный звон.
Из мира мерзкого в подземный мир червей
Мой переход ознаменует он.
Если прочтешь слова, что я пишу,
Забудь писавшую их руку навсегда:
Я ведь люблю тебя и не хочу,
Чтоб светлый мир твой омрачила бы беда.
И, если вспомнишь эти строки вдруг,
Когда я буду в глинистой земле,
Не поминай мое ты имя вслух:
Ты отпусти любовь свою – ко мне...
 Едва заметив скорби черный цвет,
 Житья не даст тебе наш благоденственный свет.

СОНЕТ 72

Миру не дай допрос свой учинить –
Чем вызвана любовь твоя ко мне.
Скорей прошу тебе меня забыть:
Меня не защитишь ты на суде.
Не по заслугам будешь воздавать,
Украшишь щедро ложью во спасенье –
Чтоб восхвалением – пороки оправдать...
Но истина не терпит исправленья.
Из фальши нитей ярких не пряди:
Любовь ты обесчестишь их узором.
Ты мое имя – с телом погребви:
Не дай ему нас замарать позором.
Мне отвечать за то, что нес другим страданья;
Тебе же – за любовь к ничтожному созданью.

СОНЕТ 73

Вглядись в ту осень, что внутри несу –
Едва увидишь пожелтевший лист на ветках оголенных,
От холода всю дрожащих на ветру;
Не слышно птиц; где хор звучал – развалины хоров церковных...
Вглядись в меня – увидишь поздний сумеречный час,
Багряным тлением затухающий на западе закат;
Его, до завтрашнего утра, поглощает ночь, а нас
Иное имя Ночи – Смерть – возьмет, и не вернет назад...
Вглядись – огонь в душе моей почти потух,
Сгорела юность, серым пеплом стала.
На ложе пепла пламя испускает дух:
Его убьет, что прежде жар питало...
 Вглядись – все это сил твоей любви прибавит,
 Любви к тому, кто скоро этот мир оставит...

СОНЕТ 74

Поверь, когда за мной придут,
Чтоб заточить навечно, без залога,
Все ценное во мне – оставлю тут,
В этих строках... И пусть они немного
Напомнят обо мне... Захочешь их прочесть,
Вслух не читай, что я писал, любя:
Земле – земное, а где дух мой есть,
То это не для всех, лишь для тебя.
Мой дух – с тобой... Исчезнет – моя муть,
Червей добыча, ей – в могиле гнить.
Тело достаточно ножом пырнуть,
Чтоб мир сумел тотчас его забыть...
 Все ценное – я в строки помещаю,
 И их, тебе на память, оставляю.

СОНЕТ 75

Для моих мыслей ты, как хлеб насущный,
Как долгожданный дождь, что землю увлажняет;
Я как скупец, своим сокровищем живущий,
Меня, как и его, безжалостно желанья раздирают:
Сегодня счастлив я, назавтра мучают сомненья
В том, что я Времени препятствовать смогу;
То я стремлюсь с тобой к уединенью,
То целый мир в свидетели зову;
Бывает, моришь голодом меня ты отчужденья,
А иногда, накормишь лаской словно на пиру.
Богатств не нужно: только то приносит наслажденье,
Что ты даешь мне... Иль я сам беру.
 Так голод чередуется с избытком:
 То наградишь меня, то оберешь до нитки.

СОНЕТ 76

Так отчего ж стихи мои так бедны
На вариации, на смену ритмов и ладов?
И почему я не бегу от строчек бледных
К созвучьям новым необычных слов?
Зачем пишу, день ото дня, одно и то же,
И в платье старое одел мой стих опять?
Давно знаком я с каждым словом и, похоже,
Могу я жизнь их всех с рожденья описать.
Затем, любовь моя, что о тебе все строки;
Ты и любовь – вот темы вечные мои.
Сменю одежду слов, когда все выйдут сроки,
И приглашу их всех опять в мои стихи.
Ведь солнце – тоже нового и старого смешенье;
Так стоит ли любви моей бояться повторенья?

СОНЕТ 77

Покажет зеркало изношенность наряда красоты,
Растраченным минутам подведет счет циферблат,
Но ляжет мысль строкой на эти чистые листы,
Читая книгу, в прошлое вернешься ты назад;
Вновь в том же зеркале, в морщин твоих отображеньи,
Узнаешь пропасти нас ожидающих могил;
Услышишь времени крадущееся к вечности движенье,
Шагами тех минут, что ты не сохранил.
Все то, что твоя память неспособна удержать,
Надежно сберегут листы, как матери детей;
И, книгу взяв, ты встретишь их опять,
Созданий нежных мысли трепетной твоей.
И эти встречи, что читателя глаз ждут,
Согреют душу, книге многое дадут.

СОНЕТ 78

Так часто мою Музу я тобою завлекал,
Использовал твой образ в сочиненьи,
Что ныне каждый автор мне подобен стал:
Все нынче ищут твоего расположения.
Твои глаза способны в тенора немого превратить,
Мысль тяжкую невежды в небо вознести,
Таланта крылья в одночасье оперить,
Придать величие сиянью красоты.
Гордись собой: все, что я сочинил,
Тобой навеяно, тобою рождено.
В стихах других ты поводом лишь был,
Тебя в них нету, есть изящество одно:
 Не повод ты к стихам, а суть в моей строке,
 Ты прикоснуться к мастерству позволил мне.

СОНЕТ 79

Пока один в тебе я черпал вдохновенье,
Стихи мои тебя достойны были;
Поблекли ныне строки, к сожаленью:
Другие мою Музу оттеснили.
Согласен я, что качества прекрасные твои,
Заслуживают муки несравненно лучшего пера.
Но ты плутами окружен, пытаются они
Тебе дарить лишь то, что украдут сперва.
Они из дел твоих достоинство сопрут,
И украдут красу твоей щеки;
Высокой славы их стихи не принесут:
Твое лишь жалкое подобие они.
Резона нет их за стихи благодарить:
Ведь так легко то, что украл, дарить.

СОНЕТ 80

От робости едва перо не отложил,
Узнав, кто нынче тебе славу воздает.
Пытаюсь изо всех моих убогих сил
Заткнуть навеки мой бездарный рот.
Но океан твоих достоинств несравненных,
Как утлый челн, так и фрегат вместит;
И мой баркас, вдали от вымпелов победных,
По океанским волнам дерзостно летит.
Твоей лишь помощью держусь я на плаву;
Как победитель глубины плывет фрегат;
Беды не будет, коли я пойду ко дну:
Не стоил я тебе больших затрат.
Коль сгину я, а он и дальше будет плыть,
Значит, не смог я большего любовью заслужить.

СОНЕТ 81

Возможно, мне судьба оплакать твой уход,
А, может быть, мне первым гнить в земле.
Но смерть тебя из строк моих не заберет,
Тогда как, суждено забвенью мне.
Останешься бессмертным ты в стихах,
А я – уйду, исчезну без следа.
Ты упокоишься в читателей глазах,
А я – в могилу лягу навсегда.
Твое надгробие сложу из нежных слов,
Их глаз, что ныне не рожден, прочтет,
Сойти не сможет твое имя с языков,
Когда дыханье современников замрет.
 Бессмертным быть тебе в моих стихах –
 Живым дыханьем, словом на губах.

СОНЕТ 82

Поскольку моя Муза тебе вовсе не жена,
Вполне ты можешь, добродетель сохраняя,
Внимать другим поэтам, воспевающим тебя,
Их посвященья благосклонно принимая.
Как твоя внешность, утончен твой вкус,
Он мои строки устаревшими находит
И ищет свежести в иных любимцах Муз,
Что следовать в стихах умеют моде.
В том есть резон; одно меня смущает:
Уж слишком ярок их риторики узор.
В правдивых строках, что друг верный сочиняет,
Без ухищрений лишних ты пленяешь взор.
Их краски яркие нужны другим, а не тебе:
Ты от природы ими наделен вполне.

СОНЕТ 83

Я думаю, твоей красе нет никакой нужды
В другом необходимом так фальшивых красках;
Я нахожу, что принимать не должен ты
В уплату долга от поэтов яркие бумажки.
Вот почему, я перестал описывать того,
Кто может сам предстать во всей красе:
И малой части не опишет современников перо
Той благодати, что дарована тебе.
Тебе мое молчанье кажется грехом;
А я считаю благом для тебя мое молчанье:
Ведь я молчу, жить не мешая красоте при том;
Другие ж делают ее твоим надгробным изваяньем.
Гораздо больше жизни в каждом из твоих прекрасных глаз,
Чем в строках двух поэтов, что милы тебе сейчас.

СОНЕТ 84

Кто тот искусник, что сказать способен боле,
Чем эта похвала: с самим собою только ты сравним.
В тебе самом заключено сокровище такое,
Что лишь рожденный равным сможет стать подобием твоим.
И бедность беспросветная пера любого
Никак не может к твоей славе что-либо еще добавить;
Но если оно честно рассказать готово,
Каков ты есть, то это в состоянии перо навек прославить.
Позволь перу скопировать рассказ природы,
Что получилось столь прекрасно, не меняя.
И эту копию полюбят все народы,
Пера умение и мудрость воспевая.
Ты сам себе способен навредить,
Льстецам позволив правду исказить.

СОНЕТ 85

Муза моя хранит достоинство в молчании своем,
Тогда как Музы летописцев твоей славы,
Слов не жалея, водят льстивым золотым пером,
Стих обрамляя стилем ложно-величавым.
Все мои мысли о тебе, у них же лишь слова;
Как тот монах, что прочитав псалтырь не в силах,
Скажу: «Аминь!» я гимнам, прославляющим тебя,
Изящным строкам, полным оборотов льстивых.
Я, их услышав, тотчас же воскликну: «Несомненно!
Воистину!», но к самым громким похвалам
Смогу без слов добавить я покорно и смиренно
Мою любовь, ей веры больше, чем словам.
 Воздай им за их строки, полные словами,
 А мне за мысли, говорящие делами.

СОНЕТ 86

Его ль корабль, несущийся на полных парусах
За драгоценным грузом одобренья твоего
Виной тому, что стих мой неродившийся зачах,
Что стих в мозгу, как в склепе, погребло?
Его ли дух, что призрак научил писать,
Как смертным не дано, меня сумел убить?
Нет, ни он сам, ни призрак, что является помочь
Ему, не в силах стих мой заглушить.
Ни он, ни призрак, расположенный к нему,
Что по ночам дает ему советы,
Не стали поводом к молчанью моему:
Мне не страшны угрозы и наветы;
Но то, что он добился твоего расположения,
Мой стих лишает смысла и значенья.

СОНЕТ 87

Прощай, ты слишком дорог для меня;
Ты знаешь себе цену, без сомненья;
Твой статус разделил нас, отметя,
Мои владеть тобой поползновенья.
Могу ли я на большее претендовать,
Чем справедливая награда за заслуги?
А коль заслуги заставляют себя ждать,
Ты вправе не платить за жалкие потуги.
Свою не знал ты цену, заключая договор;
И заблуждался в отношении моей цены.
Твоя цена взлетела вверх с тех пор,
И подписать мы новый договор должны.
 Похоже, сон я видел слишком лестный:
 В нем я король, а не бедняк безвестный.

СОНЕТ 88

Коль переложить на меня свою вину,
Решив, что я суда людского стою,
То все грехи я на себя возьму –
Твою неверность от присяжных скрою.
Свои пороки зная лучше всех,
Я, словно с обвинителем мы вместе,
Добавлю многое для публики утех,
И наш разрыв добавит тебе чести.
Я тоже в прибыли считать себя смогу:
Я подтвержу мою любовь к тебе;
А раны, что себе я этим нанесу,
Тебе на пользу; значит мне – вдвойне.
 Я и любовь моя – всегда твои,
 А все грехи твои – мои грехи.

СОНЕТ 89

Скажи, что слабости мои всему виной,
Приму, переступив через обиду:
Считаешь, например, что я хромой –
Не споря, захромаю я для виду.
Любовь моя, как ни брани меня,
Ни осуждай сурово мою низость,
Вдвойне бранить я буду сам себя.
Захочешь, разорву меж нами близость,
В места свиданий больше не вернусь,
Язык навек забудет твое имя,
О том, что было, не проговорюсь
Пред новыми знакомыми твоими.
 За честь твою готов с собой я биться:
 С твоим врагом не в силах я смириться.

СОНЕТ 90

Не жди, яви скорей свою вражду –
Пока весь мир мой вздыбился стеной!
Возьми скорей в подручницы судьбу –
Не жди, когда невзгод утихнет рой.
Пока я с миром помирюсь, не жди,
На завтра не откладывай ненастье:
Ведь после ночи ветреной дожди
Истерзанную душу рвут на части.
Не жди, а то наступит скоро срок,
И я, пройдя сквозь вереницу бед,
Привыкну к боли... Мне яви мой рок,
Дай мне понять – беды страшнее нет.
И беды все, о коих нынче плачу,
Забуду вмиг, когда тебя утрачу.

СОНЕТ 91

Кто именем своим гордится, кто уменьем,
Кто силою своею, кто несметными деньгами;
Кто модным, в спешке сшитым, облачением;
Кто сворой гончих, соколом иль скакунами.
У каждого своя, особая отрада,
И в ней свое находит счастье он;
А мне всех этих частных не надо:
Я совместил все лучшее в одном.
Твоя любовь дороже знатной родословной,
Ценней богатств, любой наряд с ней не сравнится;
Ни в соколе, ни в скакуне нет грации подобной:
Ты дал мне право больше всех иных гордиться.
Одно тревожит: то, что в твоей власти
Забрать твой дар, мое разрушив счастье.

СОНЕТ 92

Коль худшее случится – бросишь ты меня,
Забыв в любви до гроба уверения свои,
Я не останусь без тебя ни дня:
Жить не смогу я без твоей любви.
Не стоит больших мне бояться зол,
Когда и меньшее меня загонит в гроб.
Я, как спасенье, смерть бы предпочел
Твоим капризам и изменам, видит Бог!
Меня не сможешь мучить ты непостоянством:
Ведь я умру, не в силах этого стерпеть.
Я награжден, словно пожизненным дворянством,
Счастьем любить тебя и счастьем умереть.
 Но есть на всем, увы, свое пятно:
 Возможно, худшее уже произошло.

СОНЕТ 93

Я буду жить, тебе наивно доверяя,
Как муж обманутый; любимое лицо
Все то же, но сейчас я замечаю –
Твой взгляд со мной, а сердце далеко.
В твоих глазах вражда ко мне не дышит:
Пытаться правду в них прочесть – без проку.
Во взорах многих сердце словно пишет
Историю измен, обманов и пороков;
Но небеса тебя навечно наделили
Невинным взглядом беспорочного лица.
Какие чувства в сердце бы не были,
Взор твой пребудет нежным до конца.
 Как Евы яблоко, ты выглядишь прекрасно,
 А что внутри тебя, то мне не ясно.

СОНЕТ 94

Тот, кто другим во вред не применяет власть,
Не делая того, что нам, увы, привычно;
Тот, кто в других способен вызвать страсть,
Сам в страсти не теряя головы обычно:
Тот небесами щедрым даром наделен,
И, если бережет дары он золотые,
Имеет право господином зваться он;
Зовутся слугами его все остальные.
Прекрасные цветы убранство лета украшают,
Хоть не для лета, для себя, живут они;
Но, если их болезнь вдруг поражает,
То безобразнее они, чем сорняки.
Красу уродством делают пороки,
Гнилая роза отвратительней осоки.

СОНЕТ 95

Бесстыдство, что порочит молодости честь,
Как червь, душистой розы пожирает лепестки,
Умеешь ты в одежды белые облечь.
В какую красоту ты нарядил свои грехи!
Те языки, что без конца судачат о тебе,
Все сальные подробности истории смакуя,
Не осуждая, льстят тебе вдвойне,
Будто способен грязь ты обелить любую.
В каком дворце твой поселился грех:
Ему в тебе удобно и просторно!
В одеждах белоснежных нет прорех:
Грех красотой прикрыл себя притворно!
Только не думай, что так будет вечно длиться:
В плохих руках и острый нож способен затупиться.

СОНЕТ 96

Кто видит в юности причину твоего беспутства;
Кто прославляет юности твоей изящные забавы.
Только в одном единодушно все сойдутся:
Грехи изящные лишь прибавляют тебе славы.
Как на перстах монарха даже скверный камень
Бриллиантов всех их подданных ценней,
Так высшим благом предстают пред нами
Твои грехи в сияньи юности твоей.
Сколько ягнят сумел бы волк враз обмануть,
Коль у него овцы обличье было?
Как много душ обречено с пути свернуть,
Коль красоты используешь ты силу?
 Не делай этого ради моей любви:
 Ты мой, и все твои грехи – мои.

СОНЕТ 97

Как зимний холод мне напомнила разлука
С тобой, прекраснейшим из дней в году!
Как я замерз, какие темнота и скука:
Старик Декабрь принес холодную тоску.
Не верится, что в прошлом Лето было;
И что плоды любви, зачатые Весной,
В утробе вздувшейся с трудом носила
Бедняжка Осень, что осталась вдовой.
И Осени потомство, мне казалось,
Судьба ждет сирот, не имеющих отца.
Земля без Лета без тебя осталась.
Птицы молчат. Разлуке нет конца.
 А если слышны трели, то столь жалобны они,
 Что жухнет лист в предчувствии зимы.

СОНЕТ 98

С тобою прошлой разлучились мы весной,
Когда Апрель в своем цветеньи бурном
Такой мир радостью наполнил молодой,
Что смех его подхвачен был Сатурном.
Однако же, ни песни птиц небесных,
Ни сладкий аромат прекраснейших цветов
Мне не пропели слов моих заветных
И не согрели душу краской лепестков.
Нет прежней радости от лилий белизны,
И алой розы не прославлю я венец:
Зачем твои плохие копии нужны?
Ты для цветов – непревзойденный образец.
Мир без тебя мне кажется зимой;
Твоя лишь тень по-прежнему со мной.

СОНЕТ 99

Упрек фиалке ранней в сердцах бросил я:
«Зачем, воришка, ты украла сладкий аромат
Дыхания моей любви? И краска вовсе не твоя:
Пурпурные цвета, что на щеках твоих лежат,
Ты у любимого украла, его вены тайно отворя».
Украли лилия твоих рук белизну,
А почки майорана золото твоих волос.
Краснеет роза, чувствуя вину свою;
Другая побледнела и испугана до слез.
Еще одна смешала краски от волненья:
Она присвоила и аромат твой тоже;
Но все, чем так горды весенние растенья,
Плодовый червь в отместку уничтожит.
Цветы прелестные, что ныне вижу я,
Все прелести свои украли у тебя.

СОНЕТ 100

Где, Муза, ты скрываешься так долго,
Забыв того, кому обязана ты именем своим?
Опять расходуешь постыдно дар без толку,
Пятнаешь честь свою занятием пустым?
Вернись, забывчивая Муза, и отмой
Свое, суетной пылью загрязненное лицо:
Того, кто заслужил, стихами удостой,
По назначению используй пыл и мастерство.
Воспой, строптивая, любви моей прекрасный лик,
Если ж на нем оставить Время след успело,
То сделай так, чтоб образ Времени поник,
И чтоб презренье вызывало его дело.
 Прославь любовь мою, пока она жива;
 Спаси ее от Времени жестокого ножа.

СОНЕТ 101

Лентяйка Муза, чем заплатишь в возмещение
Отказа описать красу, окрашенную честью?
И честь, и красота моей любви суть порожденье:
Так же и ты – в чести, пока с любовью вместе.
Может, ответишь, Муза, коль достаточно умна:
«Честь слишком хороша, чтобы являться украшеньем;
И не нуждается в раскраске честью красота:
Все истинно хорошее не требует смешенья?»
Ты полагаешь, Муза, совершенство оправданьем немоты?
Не извиненья мне нужны, а вдохновенные слова –
Строительство гробницы золоченой дивной красоты,
Чтоб память о любви моей в столетиях жила.
Я покажу тебе, как сделать так, чтоб это получилось,
И честная краса любви моей навечно сохранилась.

СОНЕТ 102

Моя любовь чем крепче, тем скромнее:
Люблю всем сердцем, только не прилюдно.
Любовь – товаром сделать не посмею,
Не стану ее вслух расхваливать занудно.
Нашу любовь, в пору ее рассвета,
Весенней песней звонкой я встречал;
Но соловей, воспев начало лета,
Всегда в июле скромно умолкал.
Дело не в том, что ночи хуже стали
Тех, что он скорбным гимном оглашал.
Просто они от песен тех устали:
Гимн, став привычным, силу потерял.
 Подобно соловью, я придержал язык:
 Я не хочу, чтоб к песням ты привык.

СОНЕТ 103

Имея все, чтобы свое прославить имя,
Муза моя мне дрянь пытается всучить:
Тому, кто вдохновил ее, отныне
Она способна только навредить.
Не укоряй меня за долгое молчанье!
Ты в зеркала взгляни – увидишь красоту,
Что описать мое перо не в состоянии;
Я все испорчу, а поэтому – молчу.
Разве не будет непростительным грехом,
Испортить то, что так прекрасно было?
Ведь все мои стихи единственно о том,
Как Небо тебя щедро наделило.
 Но много больше, чем мое воображенье,
 Тебе твое расскажет отраженье.

СОНЕТ 104

Ты для меня навечно будешь молодым:
Ведь красота твоя с момента первой встречи
Не изменилась. Холод трех суровых зим
Три жарких лета льдом и снегом изувечил;
И три цветущие весны листвою осенней пожелтели,
Сменились – трижды – все четыре время года;
И трех июлей зной развеял ароматы трех апрелей;
Все изменилось, лишь тебя не тронула природа.
И все же красота, как стрелка часовая,
Что движется для глаза незаметно,
Теряет свежесть, незаметно увядая;
И суждено исчезнуть ей бесследно.
Мой стих – послание грядущим поколениям:
«Прекрасное скончалось прежде вашего рожденья».

СОНЕТ 105

Не говорите, что язычество – моя любовь,
И что кумира сотворил я из живого,
Лишь потому, что воспеваю вновь и вновь
Его, опять Его, и никого другого!
В моей любви дух постоянства воплощен:
Все будет завтра, как сегодня было, снова!
И постоянно каждый стих мой посвящен
Ему, опять Ему: нет для меня другого!
«Прекрасный, Добрый, Верный» – постоянства суть!
«Прекрасный, Добрый, Верный» – я, ценою мук,
Пытаюсь изначальный смысл словам вернуть,
Соединив три слова – в триединый звук!
«Прекрасный, Добрый, Верный» жили, до сих пор, отдельно;
И только в Нем стали три слова звуком цельным.

СОНЕТ 106

Когда я в пыльных хрониках былых времен
Прекраснейших из предков описанья нахожу;
Когда читаю древний стих, что ими вдохновлен,
И вижу славных рыцарей и дам их красоту;
Когда я вижу, как тогда умели описать –
От глаз и губ, до ног – детали красоты,
То понимаю: их перо могло создать
Портрет той красоты, какой владеешь ты.
Но их хвала – скорей, пророчеством была;
Их описания – твоих предтеч портреты.
А ведь они смогли б найти слова
Для песен о тебе, что нами не пропеты:
 Увы, тебя имея счастье лицезреть,
 Мы не находим слов – тебя воспеть.

СОНЕТ 107

Ни мои страхи, ни старанья мировой души
Понять, что будет, сколько жить Земле осталось,
Не в силах предсказать судьбу моей любви,
Чья гибель предрешенной всем казалась.
Луна затмения смертельную болезнь преодолела,
Тем высмеяв того, кто беды нам пророчил;
Корону робость бывшая уверенно надела;
Покой оливам принесет мир прочный.
Мою любовь благого времени бальзам
Вновь освежил; и смерть мне не страшна:
Ведь в наших рифмах суждено жить нам,
Лишь бессловесных смерть поглотит без следа.
Твой памятник в стихах пребудет вечно;
Судьба ж гробниц тиранов скоротечна.

СОНЕТ 108

Что мысль моя перу способна подсказать:
Разве не все уже сказал тебе мой дух?
Где новые найти слова, о чем писать,
Как выразить любовь, тебя прославив вслух?
Нигде, прелестное дитя, но я, словно молитву в церкви,
День ото дня, все те же буду повторять
Слова моей любви – и каждый раз, как первый,
И ты, как в первый раз, услышишь их опять.
И вечная любовь вовек не постареет;
И борозды морщин на ней не смогут появиться;
И пыль времен ее коснуться не посмеет;
И оживут из древности дошедшие страницы:
Они расскажут, что любовь всегда нова,
И свежи вечные любви слова.

СОНЕТ 109

Не говори, что я кривил душой,
Что ты в разлуке долгой мною позабыт.
Мне проще разойтись с самим собой,
Чем с моим сердцем, что в твоей груди стучит:
Там дом моей любви; коль из него я уходил,
То неизменно приходил обратно,
Без опозданий, все таким же, как и был –
Я сам водой смывал разлуки пятна.
Не верь тому, что мое естество,
Хоть оно слабо и подвержено грехам,
Способно от всего – уйти в ничто:
Любовь – за пустоту – я не отдам!
Моя вселенная прекрасна и проста:
В ней только ты; а где тебя нет – пустота.

СОНЕТ 110

Увы, и вправду – где я только не мотался;
Изображал шута для глаз, что жаждут развлечений;
По дурости с бесценным за бесценок расставался;
Грешил по-старому в угаре новых увлечений.
Увы, и вправду – я смотрел на Верность косо,
И отстраненно; но все эти выходки постыдные мои
Были нужны, как сердцу вернуть юность способ,
Как средство убедиться в неизменности к тебе любви.
Все это кончилось, а впереди нас бесконечность ждет;
Я обещаю, что умерю мой чрезмерный аппетит.
И даже в голову мне мысль шальная не придет:
Ты бог любви, моя душа тебе принадлежит!
Прими назад меня, утраченный мой рай;
На любящей груди приют мне дай!

СОНЕТ 111

Меня спасая, бросил ты Фортуне обвиненье,
Богиню упрекнув в делах моих неправых:
Ведь, коль в толпе – мое обеспеченье,
Толпы не мог не перенять я нравы.
И это превращается в подобие клейма,
Что сводит без остатка мою суть
К профессии, как у красильщика – рука.
Имейте жалость: помогите мне вздохнуть
Свободно! Как доверчивый примерный пациент
Я выпью горечь, чтоб изгнать заразу.
Она покажется мне сладкой в тот момент;
Два наказания готов принять я разом.
 Но если б жалость ты ко мне смог проявить,
 То тем бы смог меня мгновенно излечить.

СОНЕТ 112

Твои любовь и сострадание загладили тот след,
Что на челе моем оставила печать вульгарной клеветы.
Мне до людских похвал и брани дела нет;
Мне важны только те слова, что скажешь ты.
Ты – весь мой мир; стремлюсь я к одному:
Чтоб только ты судил грехи и добродетели мои.
Нет дела до других – я не для них живу;
Они мой непокорный нрав умерить не смогли.
Я выкинул их мнения в глубокий ров;
И, как гадюка, уши плотно затворил.
Не слышу ни льстецов, ни критиков я слов:
Ты видишь, я теперь свободнее, чем был.
Весь мир заполнен до краев тобой;
И в целом мире – только ты живой.

СОНЕТ 113

В разлуке взор вовнутрь мой обращен;
А тот, что путь указывает мне,
Отчасти – видит, а отчасти – ослеплен:
И я смотрю, но вижу не вполне.
Взор не способен мой до сердца донести
Образ цветов, иль птиц, или иные очертанья:
Не может разум образ мира обрести –
Взор видеть мир уже не в состояньи.
Он видит в образах, как грубых, так и в нежных;
В уродах, и в созданиях небесной красоты;
Во тьме, и в свете, и в вершинах белоснежных,
Не их самих, а лишь твои любимые черты.
Одним тобой я полон до сих пор;
Здоров мой разум; тобой болен взор.

СОНЕТ 114

То ли мой разум, что тобою возведен на трон,
Стал жертвой лести – этого недуга королей?
То ли не льстит мой глаз, все так же честен он:
Всему виной любовь с алхимией своей?
Уж не она ли обращает монстров и калек
В тебе подобных херувимов сладких?
И глаз мой, чарами обманутый навек,
Видит добро вместо деяний гадких?
Уж лучше первое: пусть льстит мой взгляд;
Пусть лесть тщеславный разум опьяняет.
Глаз угодить монаршьим вкусам рад,
И поднесет лишь то, что разум ожидает.
Глаз не виню, коль поднесет он яд:
Мой глаз и сам отравы выпить рад.

СОНЕТ 115

Лгут те слова написанных мной строк,
Что говорят: «Тебя любить нежней я не сумею!»
Ведь в тот момент представить я не мог,
Что пламя страсти станет чище и сильнее.
Но мы во власти Времени: миллионами случайностей оно
Рвет все обеты; изменяет даже королей указы;
Смывает красоту; берет обратно то, что ранее дало;
Решимость отнимает; мыслей ход меняет разом.
А потому я, в страхе перед Времени тиранством,
Сказать не в праве: «Я люблю, как никогда!»
В случайном мире – невозможно постоянство;
Власть настоящему – на миг лишь в нем дана.
Любовь – ребенок вечный; как я мог произнести,
Что выросла она: ведь ей всю жизнь расти.

СОНЕТ 116

Содружество двух верных душ преград не знает:
Воистину, любовь – Любовью я не назову,
Если она при измененьях – тут же изменяет,
И отступает, стоит только оступиться одному.
Любовь – негаснувший маяк, что нам всегда,
В любую бурю, виден, как надежда;
Любовь – в открытом море путеводная звезда:
Бесценный дар, неоцененный прежде.
Любовь – не Времени игрушка: пусть его коса
Способна на лице Любви оставить след,
Но изменить Любовь не сможет Время никогда –
Любовь живет, пока живет наш свет.
Коль смогут уличить меня во лжи,
Признать, что нет Любви тогда должны.

СОНЕТ 117

Поставь в вину мне то, что уклонялся я
От воздаяний за творимое тобой добро;
На душ слиянье наших несмотря,
Забыл я путь к дверям твоим давно;
Что слишком часто провожу с чужими
Я время, на которое имеешь ты права;
Под парусами я плыву тугими
В ту даль, откуда не видать тебя;
Добавь мои грехи, что на поверхности лежат;
К ним те, что я скрываю, приложи;
Нацель мне прямо в сердце хмурый взгляд;
Но с выстрелом смертельным не спеши:
 Заслушай прежде оправданья веские мои –
 Я этим силу проверял твоей любви.

СОНЕТ 118

Чтоб пробудить сном сладким спящий аппетит,
Горьких приправ в язык вонзают остроту;
Чтобы изгнать болезнь, что внутри нас сидит,
Болезнь другую надо вызвать – тошноту;
Вот так и я, твоею сладостью объевшись до отвала,
В приправах горьких вдруг почувствовал нужду;
Мне мое счастье вдруг болезнью мниться стало,
Свое здоровье нынче хворью я лечу.
Так ухитряется любовь заразу подхватить,
Стремясь преодолеть несуществующий недуг;
Здорового в больного ей по силам превратить,
Чтоб вместо сладостей отведал бы он мук.
Но стало ясно мне, пусть это будет мне уроком:
Коль болен кто тобой, тому лечение без проку.

СОНЕТ 119

Что выпил я за пойло из фальшивых слез Сирен?
Сдается мне, что перегонный куб был полон адских мук.
Надежды страх сменяли, вновь надежды страхам шли взамен;
Я побеждал, но ускользал внезапно выигрыш из рук.
Что за тягчайший грех над мной проклятием висит,
Когда еще совсем недавно было все со мной в порядке?
Как так случилось, что мои глаза сошли с орбит
Под тяжким бременем меня трясущей лихорадки?
О, благотворность бед! Я осознал только сейчас,
Что зло – все, что есть доброго на свете, укрепляет:
Моя сгоревшая любовь будет прекрасней во сто раз,
Когда она, восстав из собственного пепла, воссияет.
В раскаяньи вернусь к тому, что было:
Зло все затраты многократно возместило.

СОНЕТ 120

То, что жесток ты был ко мне однажды,
Теперь во благо мне: мои тогдашние печали
Во мне воскресли; сердце покаянья страждет
В сегодняшних грехах: оно ведь не из стали.
Коль потрясен моей жестокостью ты был,
То ты, как я тогда, боль адскую познал;
А я в тот миг, словно тиран, забыл,
Какую боль я сам однажды испытал.
Но эта полная немых страданий ночь
Вновь пробудила прошлой боли память.
Бальзам раскаянья лишь может нам помочь:
Излечит души он, что мы сумели ранить.
 Все в прошлом, и грехи наши забыты:
 Ты выкупил твои, а я мои – мы квиты.

СОНЕТ 121

Уж лучше быть мерзавцем, чем считаться таковым,
Малейших поводов для осужденья не подав;
Под взглядом вечно осуждающим чужим
Увяла радость безобиднейших забав.
Как может их блудливый, сальный взгляд
Моей горячей крови осуждать кипенье?
Как может тот, кто сам грешить бы рад,
О добром и дурном навязывать мне мнение?
Нет, я есмь я, а тот кто жаждет приписать
Мне лишнее, являет собственной души химеры.
Ему, кривому, никогда прямым не стать –
Так нечего прямой поступок мерить кривой мерой!
 Все мировое зло стоит на них и им подобным:
 Даже добро под взором их становится негодным.

СОНЕТ 122

Твои посланья отпечатаны в моем мозгу;
Текст книги набран памяти рукой;
И она ту, что я в руках держу,
Переживет, ввек не расстанется со мной.
Пока не выйдет отведенный срок;
Пока жив мозг, способно сердце биться,
Не скроет шрифт забвения песок,
И живы книги памяти страницы.
Мне рано память в записях хранить,
Услуги дневников мне ни к чему;
Тебе в моей нетленной книге жить:
В ней образ твой навечно сберегу.
Хранить тебя на дневника листах –
Признать, что я в забвения руках.

СОNET 123

Время, не хвастай: не меняюсь я!
Все пирамиды, возводимые тобою,
Не новость, поразившая меня,
А древностей обличие иное.
Жизнь скоротечна: кажется подчас,
Что все вокруг нас – молодо и ново;
Что ты от прошлого избавило всех нас...
Но все, что было, повторится снова.
Бросаю тебе вызов: надо мной
Ни настоящее, ни прошлое не властно!
Иди и дальше – вечной чередой
Обманов старых, суеты напрасной.
На том стою, и буду впредь стоять:
Я прав! Тебе косою меня не запугать.

СОНЕТ 124

Когда бы породил мою любовь всего лишь Случай,
Была б Фортуны незаконной дочерью она:
Терпеть капризы Времени ей выпала бы участь,
Сорной травы или цветов недолгая судьба.
Но не от Случая она ведет происхождение,
И нет стремленья к роскоши и почестям в ее породе;
А потому, ей не грозят и те смертельные паденья,
Что в наше время всюду стали в большой моде.
Она чурается всех ухищрений и интриг:
Не ради них же в этом мире мы живем.
Как в поле храм, любовь моя стоит:
Под солнцем – не растет; не тает – под дождем.
Я призову в свидетели тех Времени невольников несчастных,
Чья жизнь была преступной, смерть – достойной и прекрасной.

СОНЕТ 125

Что даст мне право балдахин держать над венценосной головой,
Зачем нужны мне этот внешний блеск и шик?
Что толку делать вид, что вечность пред тобой,
Когда все потерять мы можем в один миг?
Иль я не видел обитателей усадеб и дворцов,
Что по миру пошли, не выдержав арендной платы?
Довольно знал я этих показушных молодцов,
Что пошлой страстью к сладкому объяты.
Нет, все мое – во глубине моей души;
Прими тот дар, что воздаю тебе сейчас:
В нем нету примеси ни корысти, ни лжи,
И он – не терпит посторонних глаз.
 А вы все, сплетники, напрасно рады:
 Душа тверда под обвинений градом.

СОНЕТ 126

Остановил ты Время, мальчик мой любимый,
С его песочными часами и косою неумолимой.
Все ярче светишь ты лучах других заката,
Цветешь, когда вокруг все увяданием объято.
Природа, госпожа в сем царстве вечной суеты,
Не рвет пока твоей красы прелестные цветы.
Ты нужен в споре с Временем: кто главный тут,
И в чьих руках смертельное оружие минут.
Но ты лишь средство для нее, не стоит обольщаться:
Не век тебе ее богатством в неге наслаждаться:
Природа, будто спохватясь, потребует отчета,
И не спасет тебя ничто от участи банкрота.

СОНЕТ 127

Цвет черный отвергала прежде Красота:
Прелестная брюнетка не могла красавицей назваться;
А ныне Красоты наследница – черна,
И не устанут в связях Красоты придирчиво копаться.
Виной же те, кто на Природу покусившись,
Фальшивым ликом заменять природный стали;
А Красота, безвинно имени лишившись,
Живет в изгнании, в унижительной опале.
И потому, как ворон черные, глаза моей любимой
Из под бровей ее со скорбию глядят
На тех лгунов, что своим золотом фальшивым
Красу лишили нимба, славы и наград.
Глаза любимой столь прекрасны в скорби были,
Что тут же воплощеньем красоты прослыли.

СОНЕТ 128

Когда ты музицируешь, мелодия любимая моя,
Завидую тем клавишам, что гладят твои руки:
В ответ на ласку легких пальчиков даря
Аккордов струнных улаждающие звуки,
Они, подобно беззастенчивым губам,
Целуют дерзко твои нежные ладони.
Мои уста, достался плод не вам:
Шумный наглец всегда тихоню перегонит!
Уста мои напрасно твоей ласки ждут.
Как им хотелось бы губами клавиш стать!
Но грациозно пальчики по клавишам бегут,
Предпочитая дерево живым губам опять.
Смотрю на клавиши проворные, ревнуя:
Даруй им пальцы; губы мне – для поцелуя.

СОНЕТ 129

Сил жизненных постыдная растрата –
Вот похоти итог: ведь похоть никогда
Не смоем грязи, для нее ничто не свято,
Она темна, жестока, низка и слепа;
Того, кто уступил ей – презирает сразу,
Желание с враждой легко мешает;
Кто проглотил ее приманку, тот сразу
Подцепит и безумство похоти познает:
Любыми средствами – настичь, добиться,
И жадно овладеть, не уступая никому...
Похоть желает, чтоб мечты сумели сбыться,
А оставляет за собой растленную мечту.
Пусть эту мудрость мир познал давным-давно,
Нам устоять пред ада райским искушеньем не дано.

СОНЕТ 130

Любимой взгляд не затмевает солнца,
Губы бледны, в сравнении с кораллом,
И грудь – темнее снега за оконцем,
Нить черная волос – червонною не стала,
Роз, белой и пурпурной, лепестки
Мне не напомнила ее щека,
И тоньше пахнут лучшие духи,
Чем то, чем дарят мир ее уста,
И пусть мила мне россыпь ее слов,
Мой слух давно нежнее звуки знает,
В сравненьи с легкой поступью богов,
Моя любовь – как дочь Земли ступает...
И все ж, любовь моя прекрасней, без сомнений,
Чем дамы с длинным шлейфом ложных восхвалений.

СОНЕТ 131

Твои дела – черней твоих волос:
Гордится бессердечьем красота...
Тебя я в сердце – до небес вознес,
И для него ты – драгоценная мечта.
Я знаю, многим трудно осознать,
Что в смуглом лике я нашел твоём.
Я не хочу ни в чем их убеждать:
Отгадку знаем с сердцем мы вдвоем.
И сердцем я в любви тебе клянусь,
Ты слышишь вздохи страстные мои.
На шепот за спиной – не обернусь:
Твой смуглый лик – прекрасней белизны.
 Черты лица мне смуглые милы,
 Только зачем дела твои черны...

СОНЕТ 132

Люблю твои глаза: они, прекрасно зная,
Как твое сердце мучает меня пренебреженьем,
Меня жалеют, черный траур не снимая;
В моем страданьи только это утешенье.
Воистину, и нежно-розовый восход
Так не идет Востока бледной коже;
И полный звезд вечерний небосвод
Украсить Запад так собой не может,
Как украшают лик твой эти скорбные глаза.
Пусть взгляд твой сердцу скорбь свою подарит;
Украсит сердце взгляда скорбная слеза,
Что все на свете состраданьем украшает.
Тогда скажу, что всех прекрасней черный цвет;
И некрасивы все, в чьем лике его нет.

СОНЕТ 133

Будь проклято то сердце, что заставило страдать
Меня и друга от сердечной боли.
Неужто мало одного меня пытаться?
Ужель и друг мой должен жить в неволе?
Под твоим взглядом в жалкого раба я обращен;
Теперь и друга, моего второго «я», пришел черед.
Себя, его, тебя – твоей я милостью лишен;
Тройная пытка мое сердце ныне ждет.
Ты мое сердце вольна в карцер бросить даже,
Отдай лишь сердце друга на поруки мне:
Ведь, если сам я стану его стражей,
Ты потеряешь свою власть в моей тюрьме.
 Но так не выйдет: коль твой пленник я,
 То по закону, и моя тюрьма – твоя.

СОНЕТ 134

Я признаю, что он принадлежит тебе,
А сам я для тебя не больше, чем залог:
Оставь себе залог; его же – отдай мне,
Чтобы вернуть мою же часть я смог.
Но ты не хочешь этого; и он свободы не желает –
Ты слишком алчна, а он добр чрезмерно:
Ведь его подпись вексель заверяет,
Что выписан рукой моей презренной.
Желает власти и богатства красота,
И хочет всем владеть, другим не позволяя.
Ты требуешь, чтоб он взял долг мой на себя,
И получаешь долг, залог не отдавая.
Я потерял его; ты нас обоих разом получила:
Уплата долга тяжкой участи моей не изменила.

СОНЕТ 135*

У каждой есть Желанье, у тебя же – Уилл,
И он с лихвой исполнит все твои желанья;
Я резких слов твоих немало заслужил
За то, что поощряю Уилла неумные старанья.
Ужель твое желанье, что так многое вмещает,
Не жаждет дать желанью моему приют?
Или тебя других желанья привлекают,
И места моему уж не осталось тут?
Но море реки и дожди в себя вместило,
И избылье вод ему лишь силу придает;
Так же и ты, открыв свое желанье Уиллу,
Увидишь сразу, что твое желанье возрастет.
Отказом ты просителя убьешь, а он того не заслужил:
Всего лишь выполнить твое желанье рвется Уилл.

* Сонеты 135 и 136 используют двойное обыгрывание имени автора: во-первых, что очевидно, Will означает Желание; во-вторых, что не столь очевидно для русскоязычного читателя, Will или, точнее, Willy есть ни что иное, как разговорное обозначение мужского детородного органа, не изменившееся за последние четыре века.

СОНЕТ 136

Если твоя стыдливая душа мне не дает
Приблизиться к тебе, скажи душе, что я твой Уилл –
Желанный гость, которому открыт повсюду вход,
Чтоб он твои горячие желанья утолил.
Хранилище твоей любви пополнить хочет Уилл,
В числе других, внести в него посильный вклад:
Тот, кто большой сундук для сбережений получил,
Любой монете, что туда попала, будет рад;
Пусть будет Уилл одной из их числа,
Хотя по мне, так лучше б там одна лежала,
И ты бы в руки бережно ее брала
И в свой сундук любовно возвращала.
Коли тебе мое так имя мило,
Наверняка, полюбишь ты Уилла.

СОНЕТ 137

Слепая, глупая любовь! Зачем мои правдивые глаза,
Способные все ясно видеть, ты собою подменяешь?
Они нашли бы красоты богатство без труда,
Но ты, любовь, упрямо все дурное выбираешь.
Если ж глаза мои, ведомые пристрастием твоим,
На якорь встали в бухте, тесной от судов,
То что – на кованном крюке болтаться вечно им?
Как долго сердцу нести груз твоих оков?
И почему оно должно считать угодьем частным
Всегда открытые для всех, общедоступные места?
Иль приказала ты глазам моим несчастным
Правду презрев, хранить фальшивое достоинство лица?
Ложь правдой предстает пред взором вдруг,
Когда любовный сердце поразит недуг.

СОНЕТ 138

Когда мне в верности любимая клянется,
Я верю, в душе зная – она лжет.
Наверно, видеть ей юнцом меня нейдется,
Не знающим, как мир вокруг живет.
Нет, не считает меня юношей она,
Прекрасно видя: золотой мой возраст позади,
Но мне по вкусу ее лживые слова,
Мы с нею оба – правду в жертву принесли:
Иначе, почему ее в измене мне не обвинить?
И отчего, она меня не называет честно стариком?
Любовь – приличий видимость стремится сохранить;
Старик влюбленный – рад забыть о возрасте своем.
Мы лжем друг другу – так удобно нам;
И наша ложь, для нас же, как бальзам.

СОНЕТ 139

Не заставляй меня оправдываться в том,
Чему причиною твое бездушие было.
Мне раны наноси не взглядом, языком:
Отбрось все ухищрения, используй силу.
Живи, как знаешь, но зачем при встрече
Твой взгляд меня обходит стороной?
К чему уловки? Кто, как я, любовью мечен,
Тот слаб и беззащитен пред тобой.
Вот и сейчас тебя я оправдать готов,
Сказать: «Любовь моя прекрасно знает,
Как взгляд ее разит моих врагов,
А потому – на них все взоры обращает!»
Но лучше муки прекрати мои скорей:
Взгляни, и взором пламенным убей!

СОНЕТ 140

В своей жестокости старайся быть умней,
Презреньем не испытывай мое безмолвное терпенье:
Оно даст выход боли накопившейся своей
И тем страданиям, что напрасно ждали снисхожденья.
Благоразумней будь, ведь средство есть простое:
Влюбленному достаточно и пары теплых слов.
Я как больной, что на краю могилы стоя,
Врачу, за тень надежды, все отдать готов.
Вдруг, я сойду с ума, коли надежду потеряю?
Обиде на тебя я волю в строчках дам;
И с радостью поверит, это точно знаю,
Безумный мир – безумного словам.
 Чтоб вырваться не дать безумным тем словам,
 Всего и надо – не смотреть при мне по сторонам.

СОНЕТ 141

Воистину, любви к тебе обязан я не взору:
Он в тебе сотни недостатков различает.
Но мое сердце любит, не страшась позора,
То, что мой глаз с презреньем отвергает.
И слух мой голосом твоим не заморожен;
И осязанье не влечет меня к тебе;
И вкус, и обонянье сторонятся тебя тоже:
Им не по нраву пир с тобой наедине.
Но все пять чувств, и все ума талантов пять^{*}
Ради тебя дурное сердце отвергает:
Ему на всех них, видно, наплевать;
Оно твоим вассалом быть желает.
В болезни этой вижу я одно лишь благо:
Что за грехи платить мне болью надо.

* Здравый смысл, воображение, фантазия, память, рациональность.

СОНЕТ 142

Моя любовь грешна, и ненависть твоя уместна:
Ведь это ненависть к греху в тебе пылает.
Но добродетели твои, признаюсь тебе честно,
Лишь на моем порочном фоне впечатляют.
Мне странно слышать поученья добродетели твоей,
От губ твоих, о совести утративших понятие:
Они давно моих соперницы в подделке векселей
И в краже прибыли супружеских кроватей.
Твоя любовь в грехе с моей вполне сравнится:
Твой взгляд повсюду жертву ищет тоже.
Дай в сердце состраданию к греху укорениться,
И в трудный час оно тебе поможет.
 Но не найдешь ты сострадания, конечно,
 Коль будешь жить и дальше бессердечно.

СОНЕТ 143

Внезапно, как хозяйка, что, забыв ребенка своего,
За ускользнувшим петухом стремглав бежит,
Желая в миг тот самый только одного:
Не упустить того, что ей принадлежит;
А брошенный малыш бежит за ней
И громким плачем требует вниманья
Той, для кого сейчас петух важней,
Чем бедного дитя напрасные страданья;
Так ты бежишь за тем, что не дается в руки;
А я бегу вдогонку, словно бедное дитя;
Поймав его, вернись, не дли напрасно муки,
Как мать – утешь и поцелуй меня.
 Возможно, ты исполнишь все желанья,
 Коль обернешься на мои рыданья.

СОНЕТ 144

Дано мне две любви – на горе и отраду,
Они, как призраки, за душу мою спорят.
Отрада – юноша прекрасный в дорогом наряде;
А дева смуглая – предстала духом горя.
В ад меня тащит женское обличье зла,
И, развращая ангела моей души,
Она бесстыжей плотью его похоть разожгла,
Святого в черта превратить спешит.
И, может, ангел мой давно уж черт;
Похоже, так и есть, хоть точно не скажу.
Они вдвоем, друг к другу их влечет:
Должно быть, ангел наслаждается в аду.
 Не зная точно, буду ждать в сомненьях
 Пока ад ангелу откажет в наслажденьях.

СОНЕТ 145

Из сладких уст, Любви творенья,
Услышал: « Ненавижу!» в изумленьи.
И это мне награда за томленья!
Но, видя скорбь мою, исправить положенье
Она решила, и душой смягченной
Заставила быть ласковым язык;
И изменен был приговор, им оглашенный:
Услышал подсудимый в тот же миг
Все тоже « Ненавижу!», что и прежде,
Но дальше... Дальше следовало то,
Что мрак ночной наполнило надеждой
И превратило призраков в ничто.
Вердикт свой изменив, спасла меня,
Добавив к « Ненавижу!» – « Не тебя!».

СОНЕТ 146

Несчастливая душа, тебя мои пороки окружили!
Зачем, отдавшись вихрю необузданных страстей,
Влезает ты в долги и надрываешь жилы,
Чтобы украсить росписью фасад обители своей?
Не оправдаешь, бедная, никак своих вложений:
Ветшает старь дом, и срок аренды на исходе.
Может червей, прямых наследников твоих владений,
Хочешь умастить? Иль в бессмертье веришь плоти?
Лучше построй свой дом из тела брэнного потерь;
Через нужду телесную создай нетленное богатство;
На вечность поменяй весь блеск, и суету, и канитель...
Тогда фасада скромного – нет повода бояться!
 Так одолеешь ту, чья пища – люди:
 Исчезнет Смерть; душа – вовек прибудет!

СОНЕТ 147

Моя любовь, как жар, что всюду ищет
То, что в огне его пылающем сгорит;
То, чем он вызван, стало его пищей,
И насыщает этот странный аппетит.
Мой разум, что мою любовь пытался излечить,
От своенравья пациента потеряв терпенье,
Меня покинул: мне осталось только подтвердить
Своею смертью скорой эскулапа опасенья.
Я отказался от леченья; Разум – от меня;
И я, в горячечном бреде, теряя мысли нить,
Безостановочно слова любви твердя,
От правды бред уже не в силах отличить:
Готов поклясться, что бела, как ангел ты;
Забыв, что ты – исчадь адской черноты.

СОНЕТ 148

О, горе мне! Что сделала любовь с глазами?
То, что они видят, к правде отношенья не имеет.
А, может, просто сердце мое дало указанье
Цензуре подвергать все, что увидеть глаз сумеет?
В противном случае, коль вижу я правдивую картину,
Так отчего ж весь мир смеется дружно надо мной?
Нет, лгут бессовестно мои глаза, и знаю я причину:
Влюбленный глаз особо видит, он совсем другой.
И как, скажите, быть ему дотошно верным,
Коль он терзаньями измучен, помрачен слезами?
Ведь даже солнце незаметно нам в день скверный,
Пока оно от нас укрыто плотно облаками.
 Так и любовь слез тучи нагоняет,
 За ними – все грехи свои скрывает.

СОНЕТ 149

Как можно говорить, что ты мне безразлична,
Когда в атаках на меня с тобой я заодно?
Тот, кто не любит, помнит о себе обычно,
А я, тебя любя, себя забыл давно.
Разве хоть раз, назвал я другом твоего врага?
Я улыбался тем, кто на тебя взглянул недобро?
А если ты мной недовольна, я всегда
Себя виню и сам себя тираню злобно.
Разве мои таланты, победив гордыню,
К тебе на службу не пошли сейчас –
Чтоб ублажать твои грехи отныне
Под строгим взглядом твоих черных глаз?
Коли иного не дано, враждебной будь со мной:
Ты любишь зрячих; я же от любви слепой.

СОНЕТ 150

Какие силы наделяют слабости твои
Способностью владеть моей душой?
Я обвиняю мой правдивый взгляд во лжи,
Клянусь, что свет дневной зовется темнотой.
Откуда дар так ловко все обдѣлывать дела:
Уменье так подать негодный хлам,
Что кажется он мне вершиной мастерства?
Я за него – все лучшее отдам!
Кто научил тебя мой разум подавлять?
Чем больше ненавижу, тем сильней люблю.
И если я люблю, что впору презирать,
Не презирай хоть ты любовь несчастную мою!
 Страсть к недостойному созданью овладела мной:
 Значит, вполне достоин я любимым быть тобой.

СОНЕТ 151

Кому неведомо, что совесть – порождение любви прямое?
Но разве юная любовь способна это осознать?
Ты, лгунья милая, оставь мои грехи в покое:
Ведь точно так же и твои могу я обличать.
Ты – предаешь меня; я – лучшее в себе
Предал во власть моей вульгарной плоти.
И шепчет душа телу в темноте,
Что совесть в любви вовсе не в почете:
Куда важней – способность тотчас встать
При появлении твоём... И будешь вечно правым,
И приз получишь, коль сумел почтенье оказать;
И, долг исполнив, пасть любви во славу.
Надеюсь, что нельзя меня бессовестным назвать
За то, что в честь тебя готов я падать и вставать.

СОНЕТ 152

Ты знаешь, что тебя я предавал, любя;
Но ты любви двукратно изменила:
Ты изменила мне, и после же меня
Возненавидела – своей измены не простила.
Но как могу тебя я упрекать в двойной измене,
Когда я клялся тебе ложно двадцать раз?
Я нагло лгал тебе без всяких извинений,
Но ложь свою увидел лишь сейчас:
Я клялся в том, что ты, как ангел, беспорочна,
Добра, верна, полна ко мне любви.
Любовь к тебе меня лишила зренья точно,
Тебя не видели глаза влюбленные мои.
Мои глаза ввели меня в смертельный грех,
И вместо правды, ложь лишь в строках тех.

СОНЕТ 153

Спал Купидон, про свой огонь забыв;
Дианы девушка, заметив тут же это,
Зловредный факел сей, свой шанс не упустив,
Забросила в ручей, холодный даже летом;
Огонь ручей студеной щедро наградил
Живительным теплом, как время бесконечным,
Стал ручеек целебным и здоровье возвратил
Жертвам страстей, недужным и увечным.
А Купидон, проснувшись, пламя страсти
От жарких глаз моей возлюбленной зажег.
Вновь я горю, и сердце рвет на части,
Молю, чтоб ручеек и мне помог.
 Но он не спас: поможет не вода,
 А то, что пламя разожгло – ее глаза.

СОNET 154

Заснул однажды Купидон беспечно,
Оставив без присмотра факел страсти;
Он нимфам, этим девственницам вечным,
Попастся на глаза имел несчастье;
Одна из них схватила поскорей
То пламя, что питает сердца пыл:
Командующий армией страстей
Во сне обезоружен девой был.
Огонь – затушен девственной рукой
В воде, что жаром пропиталась сразу,
Прослав целительной от слабости любой,
Любой болезни; я любовную заразу
Пришел водой лечить, но понял быстро очень:
Любовью нагревается вода, а у воды страсть остудить нет мочи.